

Россия в мемуарах

Л.В. Шапорина
ДНЕВНИК

Новое
Литературное
Обозрение

Россия в мемуарах

Любовь Шапорина

Дневник. Том 2

«НЛО»

2017

УДК 792.9(092)Шапорина Л.В.(093.3)
ББК 85.337.3(2)6-8Шапорина Л.В.ю14

Шапорина Л. В.

Дневник. Том 2 / Л. В. Шапорина — «НЛО», 2017 — (Россия в мемуарах)

ISBN 978-5-4448-0825-2

Любовь Васильевна Шапорина (1879–1967) – создательница первого в советской России театра марионеток, художница, переводчица. Впервые публикуемый ее дневник – явление уникальное среди отечественных дневников XX века. Он велся с 1920-х по 1960-е годы и не имеет себе равных как по продолжительности и тематическому охвату (политика, экономика, религия, быт города и деревни, блокада Ленинграда, политические репрессии, деятельность НКВД, литературная жизнь, музыка, живопись, театр и т. д.), так и по остроте критического отношения к советской власти. В книге нашло отражение близкое знакомство Шапориной с А. А. Ахматовой, А. П. Остроумовой-Лебедевой, Н. С. Тихоновым, А. Н. Толстым, Д. Д. Шостаковичем, М. В. Юдиной и многими другими известными современниками.

УДК 792.9(092)Шапорина Л.В.(093.3)
ББК 85.337.3(2)6-8Шапорина Л.В.ю14

ISBN 978-5-4448-0825-2

© Шапорина Л. В., 2017
© НЛО, 2017

Содержание

Дневник	6
1946	6
1947	28
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Любовь Шапорина

Дневник. Том 2

Вступительная статья В. Н. Сажина, подготовка текста и комментарии В. Ф. Петровой
и В. Н. Сажина

Серия выходит под редакцией А. И. Рейтблата

© Сажин В. Н. Вступ. статья, комментарии, 2017

© Оформление. ООО «Новое литературное обозрение». 2017

* * *

Дневник 1946–1967

1946

1 января. Встречали Новый год – Евгения Павловна, девочки и я. «Это самая счастливая встреча Нового года в моей жизни», – сказала Евгения Павловна. Девочки сияли, была счастлива и я, глядя на их счастье. А счастье, конечно, огромное. Уцелеть всем в этой восьмилетней катастрофе, найти девочек здоровыми, чистыми, как горный хрусталь, хорошенькими, хорошими. И самой не опуститься, сохранить бодрость духа. Как тут не быть счастливой.

Мы соорудили встречу: я получила как-то прескверную водку «Красный дубняк», мы налили пол-литра сиропа, черничного сиропа, и получилось что-то вроде наливки. Из тех крох, что у меня были, Е.П. соорудила очень вкусный ужин, были сыты и счастливы. Кроме тостов с пожеланием друг другу счастья, возможности Е.П. жить в Ленинграде мы выпили за Россию, чтоб ей стало полегче, несчастной.

Е.П. съездила в Лугу, ни жить, ни работать негде, направили ее в Толмачево в лесосовхоз. Вернулась сюда, отправилась с детьми в главное управление милиции – отказ прописать здесь. В областном управлении милиции сказали, что она может искать работы и ближе, чем Луга, и затем хлопотать о разрешении там проживать. Я не могу об этом ни думать, ни писать.

5 января. Евгения Павловна на днях уехала и сегодня утром вернулась. В лесопромхозе работа, говорят, кошмарная, норму не выработать. Туда направляют и освобожденных, как Е.П., и демобилизованных, наших защитников. Что делать, где хлопотать, к кому обращаться? У меня никаких высоких связей нет.

Судили немцев, по-видимому, первых попавшихся, «стрелочников». Ольга Андреевна была на одном заседании суда, рассказывает, что одиннадцать мальчишек, простых солдат, с дегенеративными лицами. И ходят слухи, что их уже повесили где-то на Выборгской стороне, на площади, всенародно, и они будто висят три дня¹. Это говорили шедшие за Галей девочки из ремесленного училища, говорили и хохотали.

Это великая победившая страна!

Я à bout de forces². Сил больше нет работать. Нет энергии, подъема.

17 января. Евгения Павловна, уехавшая в Лугу 10-го, вчера вернулась. В Луге ее не прописывают, работы не дают, направили в Толмачево. Есть место кастелянши в детском доме. Посмотрели паспорт, – нельзя. Единственное, куда могли взять, на речной транспорт, лесопильню, таскать бревна. При болезни почек. Волчий паспорт. Она измучена, лица на ней нет. Ни денег, ни карточки. Ютилась эти дни кое-где, не спала, почти ничего не ела.

У меня за эти три недели было на руках 3069 рублей. Отдала 1500 долга. Остальное прожили, осталось 70 рублей. Как будем дальше, не знаю.

---

¹ 28 декабря 1945 г. в Военном трибунале Ленинградского военного округа начался судебный процесс над 11 немецкими офицерами, обвинявшимися в «массовых убийствах, истязаниях и угоне мирных советских граждан в немецкое рабство, в грабежах, варварских разрушениях и уничтожении городов и сел и других злодеяниях, совершенных на территории Ленинградской области в период временной оккупации ее немцами». Заседания происходили в Выборгском доме культуры. 4 января был оглашен приговор, по которому 8 подсудимых были приговорены к смертной казни через повешение, двое к 20 годам каторги, один к 15 годам. Смертный приговор был приведен в исполнение в субботу 5 января в 11 часов утра на площади перед кинотеатром «Гигант». «Многочисленные трудящиеся, присутствовавшие на площади, встретили приведение приговора в исполнение единодушным одобрением» (Ленинградская правда. 1946. 6 янв.).

² выбилась из сил (*фр.*).

В начале января я позвонила Наталье Васильевне, поздравила. Мы с ней совсем перестали видеться. Из того, что она мне рассказала, мне вполне стало понятно, почему она так замкнулась в себе.

Ее жизнь невыносима. Митя груб, как последний пьяный мужик. (Я хотела сказать – хам, и усовестилась, вспомнив деликатность Хама.) Он бил ее, по лицу, по рукам, он бьет Надю, избил старуху Ольгу Романовну. Наталья Васильевна ходила вся в синяках и наконец рассказала об этом Никите. Тот пришел в ярость и избил Митю «по морде» так, что тот испугался. Теперь больше не дает воли рукам, но изливает свою грубость словесно. А Наталья Васильевна нянчит внучку, т. к. девочка совсем беспризорна. Надя прошла на конкурсе исполнителей все туры, получила в Москве 8000 премии, занята в консерватории и Мариинском театре, ей не до ребенка. Я думаю, что она скоро Митю бросит.

Наталья Васильевна говорит, что Митя производит на нее впечатление ненормального человека. Как-то при мне прошлой зимой он вышел и говорит Н.В.: «Я у тебя взял лампочку». – «А с чем же я останусь, мне же необходима лампочка у постели, я вечером пишу». – «Меня это не касается, мне надо». Мы вошли в его комнату. У него уже горели три лампочки.

17 января. Получила письмо от Лели с описанием смерти и болезни Алексея Валерьяновича. Это совершенно ужасно. Хочется кричать. Человек проработал все годы революции, работал добросовестно, я видела это в Глухове. И чтобы его, одинокого, разбитого параличом человека, приняли в больницу, надо было его *подбросить*, оставить одного. И каков же был уход, что весь он был в пролежнях.

Вот она, Сталинская конституция: право на труд, на отдых – ложь. Господи, когда же начнется возмездие? У нас есть только право на рабство.

Я не могу, я готова скрежетать зубами от бессильной злобы, бессильного возмущения.

18 января.

Легкой жизни я просил у Бога,
Легкой смерти надобно просить.

Да, бедный Алексей Валерьянович, мне кажется, очень легко воспринимал жизнь. И такая мучительная смерть.

31 января. Я часто хожу из училища пешком. С Михайловской площади иду по Садовой, мимо Инженерного замка, и по Пантелеймоновской для того, чтобы полюбоваться на замок, площадь, Летний сад. Деревья в инее на фоне замка так легки. Это, пожалуй, сейчас единственное, что доставляет мне радость. И утренняя молитва. А все остальное время я чувствую себя усталой, старой клячей, запряженной в непосильную ношу.

Я очень хорошо понимаю, что скверно так думать, надо Бога благодарить, что есть работа и что я могу справляться с такими большими расходами. И немножко в душе обидно, что я трачу такие большие деньги и не могу помочь Васе, которому сейчас так трудно, когда на его руках и бабушка.

Наталья Васильевна талантливая женщина, с могущими быть благими порывами, но она не Человек с большой буквы. Старчаковы с Толстыми были гораздо ближе, чем со мной. Стряслось горе. И А.Н. и Н.В. отвернулись от них совсем и сразу. Вернулась Евгения Павловна, я сказала об этом по телефону Наталье Васильевне, и ничего. Ни сама не пришла, не позвала, не проявила никакого интереса. С приезда девочек она ни разу у меня не была.

У Евгении Павловны до ареста было очень много книг А.Н. с автографами, они были положены отдельно. После ареста А.О. все эти книги *пропали*. Как это произошло, она не заметила, шкафа она не закрывала. Когда она хватилась, ни одной книги с надписью Алексея Николаевича Старчакову не оказалось. У них была молоденькая домработница Валя. На вопрос

Евгении Павловны она ответила, что не видела их. Е.П. целые дни была на работе – очевидно, Толстые (тогда была уже Людмила) заплатили этой Вале за уничтожение или похищение книг.

Где же гражданское мужество нашей интеллигенции?

8 февраля. Лекторий горкома ВКП(б) организует цикл лекций «Воспитание детей».

1. Воспитание в школе и семье – важнейшая государственная задача.
2. Авторитет родителей у ребенка.
3. Семейные отношения и их влияние на воспитание детей.
4. Воспитание характера ребенка в семье.
5. Вежливость и хорошие манеры как необходимые качества советского школьника.
6. Физическое воспитание детей в семье.
7. Поощрения и наказания детей в семейном воспитании.

Лекции читают: доктор педагогических наук Ананьин, кандидат педагогических наук Раскин, Додон, Люблинская, Невский!!! Стоимость абонемента 20 рублей.

Когда же мы увидим всех, кто этого заслуживает, на скамье подсудимых?

Читая Нюрнбергский процесс³, я так живо себе представляю тот будущий процесс, причем предъявленные обвинения будут приблизительно те же. Но истязуемые – свой народ, родной.

Сейчас невероятная шумиха с выборами. Причем глупо и позорно до последней степени. При чем тут *выборы*, когда выбирать-то не приходится? В нашем районе даны нам Тихонов Н. С. и в Совет национальностей Калинин. Черняк, приятельница Рашевской, рассказала, что на прошлых выборах Корчагина получила 40 % голосов, на листках писались всевозможные ругательства. Будь хоть 2 % – это не играет роли. Выдвинутые личности все равно пройдут в Верховный Совет.

Везде и повсюду тот же *camouflage*⁴.

А сейчас больше, чем когда-либо, т. к. настроение народа известно. Ко мне недавно зашли два юноши, военные курсанты школы НКВД, агитаторы. Но вид моих книг, вероятно, произвел впечатление, и они мне на слово поверили, что я все, что касается выборов, очень хорошо знаю.

Есенин мог сказать:

«Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне»⁵.

А я тихо прошла мимо жизни, я только смотрела на нее, как сквозь решетку парка. Помню решетку Люксембургского сада⁶ вечером, когда вдали за деревьями горят огоньки окон. Всегда закрытые сады производили на меня мистическое впечатление. Где-то там далеко за решеткой какая-то таинственная, неведомая жизнь, к которой я побоялась прикоснуться. Не смогла. Не тот темперамент. И кончаю ее в тюрьме. Как я молюсь каждое утро! Не могу больше видеть этой безобразной жизни замученного народа.

9 февраля. За последние дни из почтового ящика мы вынули уже три записки следующего содержания: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа аминь. Молитесь и верьте. Напи-

---

³ Нюрнбергский процесс закончился 1 октября 1946 г.

⁴ обман (*фр.*).

⁵ Из стихотворения Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...» (1921).

⁶ Сад, разбитый перед парижским Люксембургским дворцом (1615 – 1620).

шите 9 записок, пусть весь мир читает и молится. Бог пошлет вам счастье, кто не верит, того постигнет горе»⁷.

Очевидно, не я одна молюсь о спасении страны нашей.

Ольга Андреевна сегодня даже ночевать дома не будет, должна оставаться в своем учреждении, т. к. назначена работать в избирательном пункте. Кабинки для избирателей завешиваются материей. Художественный цех расписал эти тряпки узорами. Пришел председатель райсовета и забраковал: «Что это за деревня!» Хотели немедленно взять 4000, купить новый однотонный материал. О.А., как главный бухгалтер, воспротивилась и рекомендовала обменять с кем-нибудь. Так и сделали. Начальник совсем потерял голову от волнения. Все верхи ходят по квартирам (это Лиговка!) агитировать и безумно боятся бойкота выборов. Начальник О.А. сказал: «Вы понимаете, что это пахнет бедой, голову снимут и мне, и многим другим». Трясутся за свой партбилет.

А у меня живет Евгения Павловна, нигде не прописанная «преступница». Если это узнают, мне, может быть, придется пропутешествовать туда, откуда она приехала! К Макару et ses veaux.

Была как-то на днях у Анны Петровны, смотрела ее альбомы, с самых ее первых шагов по гравюре. Как это хорошо, многое просто виртуозно. А акварели! И вот скучнейший Пахомов получает Сталинскую премию 50 000, а об Анне Петровне забыли и думать.

Получил премию и Юрий. Приехавший из Москвы Никита Толстой передал мне, что мои просят меня написать Юрию Александровичу, загодя напомнить, чтобы он помог Васе в отношении жилья. Я напишу, но как противно писать человеку, который не понимает своих обязанностей.

23 февраля. Был вечером салют⁸. Тяжело до сих пор слушать раскаты выстрелов. Верно уж, на всю жизнь (на остаток жизни) останется это тошнотное чувство.

16-го были именины Анны Петровны. Весь день была метель, вьюга, снег, трамваи стали. Я с утра еще купила две цикламены в Таврическом садоводстве и решила, невзирая ни на что, пойти – мне близко. Я была уверена, что буду одна. И что же: Тамара Александровна пришла пешком с Карповки⁹, Белкины со Ждановки, племянницы от Московского вокзала! Вот что значит обаяние.

На днях утром ко мне пришла Татьяна Андреевна Шлабович, знаю ее по Детскому Селу, она жила в одном доме со Старчаковыми. Она оставалась в Детском при немцах, ее с дочкой выселили в Гатчино, они ушли в Дедовичи, и затем немцы выслали в Эстонию, Германию, она попала в Лотарингию¹⁰, тут их взяли американцы, и она оказалась машинисткой в Ангулеме¹¹!

Там был советский пункт регистрации. Франция была наводнена русскими партизанами из власовцев!¹² Советские подданные, воевавшие в немецких рядах, при приближении союзников бежали от немцев, присоединялись к французским партизанам и проявляли сказочную отчаянную храбрость. Они одни со своими офицерами завоевывали города. Например, Лимож¹³ был взят исключительно русскими, по этому поводу была даже выбита медаль. Но и хулиганили они вовсю. Разбивали бочки с вином, перепивались, били витрины, но французы смотрели на это сквозь пальцы. По ее словам, без русских и американцев Франция никогда бы не справилась с немцами. Ее непосредственным начальником был полковник Неймарк, инженер, очень культурный человек, тоже будто бы из власовцев. И в один прекрасный день его и

⁷ Разновидность «магического письма» – так называемое письмо счастья, имеющее многовековую традицию.

⁸ В честь дня Красной армии; 25 февраля она была переименована в Советскую армию.

⁹ Колпакова жила по адресу: наб. р. Карповки, д. 19, кв. 39.

¹⁰ Область в Восточной Франции.

¹¹ Главный город французской области Ангума.

¹² Члены Русской освободительной армии генерала А.А. Власова.

¹³ Административный центр французского департамента Верхняя Вьенна.

еще нескольких посадили на самолет и повезли в СССР. О дальнейшей его судьбе она ничего не знает.

Т.А. Колпакова видела в Москве своего двоюродного брата, сына Ани Радецкой. Еще в 41-м году матери сообщили, что он убит. Она превратилась в старуху, я видела ее прошлым летом. И вот в октябре 45-го года он вернулся. Был четыре раза ранен, взят в плен и попал в австрийский госпиталь, где врач был женат на русской. Отношение к нему было прекрасное. Но зато здесь ко всем возвращающимся относятся, как к изменникам, даже раненым. Т.А. звала его в Ленинград, чтобы полечиться. На это он ей сказал: «Тамарёна, держись подальше от репатрируемых!»

Дорогое отечество.

Какая неуверенность в собственном моральном престиже или, вернее, какая уверенность в общем недовольстве, в том, что наша «счастливейшая» страна не выдерживает сравнения с другими по уровню жизни.

Какая близорукость – накапливать такие потенциальные ненависти.

Евгения Павловна уехала за Тихвин, в Пикалево¹⁴, на место машинистки-секретаря; в городском бюро распределения кадров ей сказали: «Паспорт у вас совершенно чистый, тут даже не указан 101-й километр». А вместе с тем, ни в Луге, ни в Толмачеве ее не принимали ни на какую работу, кроме лесозаготовок.

24 февраля. Сегодня пришла Мария Федоровна ночевать. Я ей рассказывала о том, как я поражена тем, что Наталья Васильевна, Богдановы-Березовские никак не откликнулись на приезд Евгении Павловны, с которой так дружили. «Il ne faut pas s'étonner, tout le monde est comme cela; c'est vous qui êtes brave, vous qui êtes extraordinaire»¹⁵, – ответила она!

28 февраля. Была вчера у Анны Петровны, засиделась, много болтали, она много рассказывала, и я, как всегда, ушла от нее в таком легком настроении, каком-то праздничном. В мае ей минет 75 лет. Она предупредила Корнилова, что согласна на празднование юбилея только в том случае, если он будет сделан по всем правилам, с представителями от правительства, Управления по делам искусств и т. д. Но она уверена, что этого не сделают, т. к. ей не доверяют, ее считают недостаточно советской. За ней следят. В тот день, когда из Москвы приехал к ней Сеницын, пришла одна знакомая, которая не бывала уже целый год. Она сидела долго, пила портвейн и молчала. Вечером после ее ухода Сеницын спросил А.П., хорошо ли она знает эту даму, – «это осведомительница». А.П. была представлена к Сталинской премии; именно тогда-то и пришла к ней Волкова [А.Ф.] и произошел тот неудачный разговор о евреях, о котором я уже писала. О премии нечего было и думать. Когда год или два тому назад был вечер памяти Репина¹⁶, А.П. там читала свои воспоминания. К ней присоседилась Анна Ивановна и от нее не отходила. Кто-то сказал Анне Петровне: «Почему вы все время ходите с осведомительницей?!» Сколько их, куда их гонит!..

Когда в 40-м году была выставка Анны Петровны, то все было сделано, чтобы у ней не было резонанса. Объявления появились через две недели после открытия выставки, хотели очень быстро ее закрыть, отстоял директор Русского музея Цыганов¹⁷.

Они чувствуют совсем иную, более высокую культуру, человека не их поля ягоду.

«Les on dit, – тоже Мария Федоровна, шепотом, – on dit que les américains ont acheté Leningrad». – «Mais oui, ils ont acheté Leningrad, tout le commerce sera dans leurs mains»¹⁸.

¹⁴ В 240 км от Ленинграда.

¹⁵ «Это не должно вас удивлять, весь мир таков; это вы отважны, это вы необыкновенны» (фр.).

¹⁶ По-видимому, в 1944 г., в связи со 100-летием со дня рождения Репина.

¹⁷ Каталог выставки см.: А.П. Остроумова-Лебедева. Выставка произведений. Л., 1940.

¹⁸ «Говорят... говорят, что американцы купили Ленинград. – Ну да, они купили Ленинград, вся торговля будет в их руках» (фр.).

15 марта. Стою на трамвайной остановке. Подходит трамвай. Берут на abordаж со всех сторон. С передней площадки с трудом выскакивают, вернее «выдираются», люди. Сталкивают мальчика лет 9. Он плачет, его толкнули в лицо локтем. Мать: «Ну, не плачь, ведь это же трамвай!» В трамваях и на стенах развешаны плакаты для предупреждения гриппа: «*При чихании и кашле закрывайте рот платком!*»

29 марта. Я так устаю, что уже ничего не записываю. Сил не хватает. После 6 часов уроков у необузданных ремесленников прихожу, сажусь за перевод. Два дня готовлюсь к уроку по русскому искусству, которого сама не знаю. Еженедельно репетиции. Наконец свалилась, простудилась и очень рада. Зато вчера, чувствуя себя прескверно, весь день просидела за переводом. Хочу сегодня и завтра кончить его. А потом придется приниматься за перевод писем Петрова-Водкина и готовить новую постановку. Разве это под силу человеку?

Каждое утро, как бы я ни торопилась, я уделяю 15 – 20 минут молитве, и это меня поддерживает. Читаю Евангелие и молюсь. Прочла также пророка Исаию¹⁹ – поразительно по красоте и силе образов. Я нашла путь к Богу, вернее, нахожу, и теперь мне непонятно даже, как могла создаться богословская религия на фальсификации Евангелия. Нигде ни единым словом Христос не приравнивает себя к Богу. Он – сын человеческий, верующий в Бога Духа. А что с ним сделал низменный человек! Я молюсь о том, чтобы Бог вывел Россию из рабства. Об этом молюсь постоянно. И о том, чтобы у меня хватило сил вытянуть эту трудную ношу, что я взвалила себе на плечи, чтобы у меня была возможность помогать многим и чтобы мне увидеть братьев и увидеть хоть начало рассвета России. Хоть бы забрезжил этот рассвет. Сессия Верховного Совета – ни одного живого слова. Это чудовищно.

2 апреля. Читала сейчас русскую историю Платонова²⁰. Ирония судьбы. Коммунистическое правительство, отрицавшее некогда все традиции, вплоть до самого «государства», завершило все (или почти все) исторические мечтания русского народа, присоединив княжество Даниила Галицкого²¹ и все остальное, обезопасило западные и восточные границы. Немудрено, что англичане из себя выходят. За это история им многое простит. [Не англичанам, а Советам.]

Дней десять тому назад приезжал Юрий, как член Сталинской комиссии, смотреть спектакли, представленные на Сталинскую премию. Носился как угорелый по спектаклям и совещаниям. Говорит, что нету времени работать, хочет уехать из Москвы. Хорошо бы жить в Ленинграде, но он очень опрощившился. «Даже на такой светлой голове, как Щербачев, и то это отразилось».

Обещал всячески помочь Васе. Увидим.

14 апреля. Приехала Наташа с Соней, Петей и бабушкой. 17-го приехала Евгения Павловна, правда, она уезжает 28-го. Всех надо поить и кормить. Трудно, но радуется, что можешь дать приют бездомным и бесприютным.

26 апреля. Увидели. Юрий дал Васе 3000 и устроил им, т. е. Наташе, детям и бабушке, билеты на «Стрелу» в международном вагоне, за которые они сами же должны были заплатить из этих же денег. Я писала и просила, чтобы он дал письмо к секретарю горкома Вербицкому, который, по его словам, обещал ему всякое содействие. Конечно, не написал, ссылаясь на то, что не помнит имени и отчества. Я позвонила ему по телефону, и разговор этот мне дали только в пасхальную ночь. Я ходила с Марой к заутрене, а разговор этот только испортил мне настроение. Я сказала ему имя и отчество этого человека и просила ему написать, чтобы он оказал содействие для вызова Кати из деревни. А затем спросила, сделал ли он что-нибудь, чтобы достать Васе комнату. На это он раскудахтался, что, дескать, «он не может прыгнуть

---

¹⁹ Одна из книг Ветхого Завета.

²⁰ Возможно: Платонов С. Русская история. [СПб., 1895].

²¹ Имеется в виду присоединение к СССР Западной Украины.

выше своих ушей, не желает, чтобы Наташа командовала, не может же он ходить и просить» и т. д. Я уж не сказала: дай сыну 20 000 на комнату.

Какое унижение! Чтоб взять няню, чтоб выписать ее из деревни, надо обращаться чуть что не к градоначальнику, а если мы опоздаем с вызовом, ее, беднягу, пошлют на сплав дров. Самая свободная страна!

Вчера была в университете на чествовании 35-летней деятельности А.А. Смирнова, Шурочки, как мы его прежде звали. Юбилей прошел очень сердечно и тепло. Вел заседание декан филологического факультета Алексеев, с умным и остроумным лицом. Говорили Жирмунский, И.И. Толстой и многие другие, были приветствия от министра и разных делегаций, письмо от больного В.Ф. Шишмарева, было много студентов, которые яростно аплодировали. Елена Ивановна рассказывала, что, когда в прошлом году в университете температура была ниже нуля, студенты ей говорили: «На лекциях Александра Александровича мы забываем о холоде». Студенты поднесли цветы и огромную корзину с яблоками и бутылкой шампанского.

Я сегодня утром вспоминала Смирнова 35 лет тому назад. Я с ним познакомилась в Париже, в 1908 или <190>7-м – 38 <лет> тому назад. Я стала думать о том, каковы эти годы были для меня, что я сделала, и не могу я сказать, чтоб я была рабом ленивым и лукавым, а вот ничего не сделала. Сил не хватало бороться. А тогда, 35 лет тому назад, мы ждали, что Александр Александрович будет вторым Веселовским. Ему, конечно, очень помешала революция.

27 апреля. В пасхальное воскресенье ко мне зашла Ирина Владимировна Головкина, внучка Н.А. Римского-Корсакова, с которой мы познакомилась, когда я работала в глазной лечебнице. Тогда, в начале 42-го года, выслали ее сестру Людмилу Троицкую, которая умерла по дороге, не доехав до Иркутска. Ирина Владимировна рассказала мне теперь причину ареста сестры: у Людмилы Владимировны была подруга, полька. Она была замужем, очень любила мужа; у нее был поклонник. Этот молодой человек был на учете в психиатрической больнице, у него была мания величия. «Ницше, Гитлер и я», – говорил он, и очевидно, многое другое. Его арестовали, нашли письма подруги, арестовали ее, мужа и Людмилу. На допросе Л.В. ставили в вину: какое право имела она не сообщить в НКВД о таких злоумышленниках? Она отвечала, что подруга ее была вполне лояльная советская гражданка, а на слова явно ненормального человека она не обращала внимания. Ее выслали, подругу и ее мужа расстреляли, а молодого человека посадили в психиатрическую больницу. Теперь его отпустили. Он свободен.

Вот как ловили пятую колонну²².

Я ежедневно просыпаюсь в 6 утра и мучительно думаю, как я выкарабкаюсь. Долг надо мной все растет и растет, я все жду, когда он меня раздавит, и в то же время надеюсь с Божьей помощью осилить все трудности.

1 мая. «Кому вольготно, весело живется на Руси?»²³. Эти слова пришли мне в голову, когда сегодня утром я подошла к окну. Перед домом нашим vis-à-vis – четыре машины. Из ворот выпорхнула очень элегантно одетая дама в сером модном пальто и погрузилась в машину, куда вслед за ней сел человек в штатском. Из ворот смотрел милиционер.

Этот дом чинили осенью немцы, работая день и ночь. Затем появились тюлевые занавеси на окнах, в окнах зажглись люстры, розовые абажуры. Но я еще ни разу в этих комнатах не видела живой души. В воротах никакого va et vien²⁴, только иногда выглядывает милиционер. Подъезжают машины. Говорят, что это дом энкавэдэшников.

Вчера, после спектакля на 5-й роте²⁵, я зашла на рекламируемую ярмарку. Масса фанерных, хорошо размалеванных ларьков, ярких, красочных и пока еще свежих. И среди них бродит

²² Так называли агентуру генерала Франко во время гражданской войны в Испании в 1936 – 1939 г. Впоследствии это выражение стало нарицательным наименованием вражеской агентуры, действующей внутри той или иной страны.

²³ Цитата из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1866 – 1876).

²⁴ хождения туда-сюда (*фр.*).

²⁵ Так Шапорина называет 5-ю Красноармейскую улицу (в 1820-е – 1923 г. рота или линия).

нищая толпа, грязная, серая, оборванная, в стоптанной обуви. Цены: ситцевое платье 500 – 600 рублей. Детское, года на 3, ситцевое – 200 рублей. Самая дешевая фаянсовая кружка, небольшая – 35 рублей. Крупы от 55 до 75 рублей за 1 кг. Сахар 170 рублей, песок 120 кг! Мной овладела невероятная злоба и презрение. *Quelquefois mépriser est un supplice pour moi (Stendhal)*²⁶. Как я его понимаю. Человек не свинья, все съест, все проглотит, стерпит худшие оскорбления. И в который раз подпишется на заем, лишаящий его, при его нищете, месячного заработка.

Я скоро ушла, не посмотрев аттракционы, очень уж остро я испытывала этот *supplice* стендалевский.

20 мая. 18-го был 75-летний юбилей Анны Петровны²⁷. Народу была толпа, толпа, настроенная ласково и тепло. Много приветствий, адресов. Хорошо говорил Лозинский. Я не помню точно его слов, но приблизительно было сказано следующее: «Вы поставили на большую высоту три рода искусств, и мы равно восхищаемся всеми тремя. Искусство живописи и гравюры, искусство слова, искусство жизни». Очень смешно, но трогательно прочел свои стихи один из представителей резиновой промышленности, читал с пафосом, почти танцуя.

Когда я подошла к А.П., она шёпотом меня спросила: «Вы довольны? Я довольна».

На другой день по телефону она мне сказала: «Я думала, что умру после юбилея. Перед отъездом в музей я помолилась, прося Бога вразумить меня, и была совершенно спокойна, когда приехала, и теперь чувствую себя прекрасно». Ее встретил Лебедев и говорит: «Приехало много генералов, не знаю, что с ними делать». Это был генералитет Медицинской академии: Орбели, Герголав, Хлопин и другие.

Корнилов организовал торжество блестяще. А.П. ответила на приветствие очень скромно, просто, честно, как все, что она делает.

Я вышла из музея с Натальей Васильевной и Лозинскими, тут же оказался Брянцев. Белая ночь, зеленоватое небо сквозь зеленеющий пух деревьев. Пошли вместе. По какому-то поводу Брянцев стал жаловаться: «Зачем нас отослали в 41-м году из Ленинграда? Оставили же Музкомедию. Их бы выслали, а нас оставили». На это я ему вразумительно ответила: «В городе фронта нужен был бардак, а чем вы могли этому соответствовать?»

Брянцеву это очень понравилось, пришлось со мной согласиться. Он взял меня под руку, и мы пошли пешком мимо замка, Летнего сада. Рассказав свои похождения в Алжире, когда он был юнкером флота, он перешел к описанию отъезда, вернее отлета в декабре 41-го года²⁸, мытарств по дороге, организацию театра в Березняках, за что он к своему 60-летнему юбилею получил от Загурского выговор в приказе. Поехал в Москву. Вызвали Загурского и велели приказ отменить. На вопрос Загурского, почему он не посоветовался с ним, Брянцев ответил: «Я мог только посоветоваться с четырьмя лицами: народным деятелем искусств А.А. Брянцевым, членом Ленсовета А.А. Брянцевым, членом президиума Рабиса А.А. Брянцевым и художественным руководителем театра А.А. Брянцевым». Лиса.

5 июня. Нормы выдачи иждивенцам через год после окончания войны на месяц: крупы – 1 кг, мяса или рыбы 500 гр., жиров 200 гр., сахара или конфет 400 гр.

*On ne mérite l'indépendance que lorsqu'on sait la conquérir. Bentham*²⁹.

Пишу устарелые прописные истины. Но люди, сидящие уже 29 лет в тюрьме, и до этого не доросли.

²⁶ Иногда презирать – для меня мучительно (Стендаль) (*фр.*).

²⁷ Чествование проходило в Русском музее.

²⁸ ТЮЗ эвакуировался 17 декабря 1941 г., вернулся в августе 1944 г.

²⁹ Независимости заслуживает лишь тот, кто может ее взять. Бентам (*фр.*).

Вениамин, архиепископ Шеин, проф. Новицкий, проф. Ковшаров, Уокер, Бобрисцев-Пушкин и еврей-адвокаты, священники Боярский и В<в>еденский. Суд русский. Якунина, способ Бондарчука?³⁰

Rien n'est plus malheureux pour une religion ou pour un système que d'être protégée par le gendarme!!!³¹

23 июня. Очень много надо записать, но нет сил. Наташа меня поставила в такие условия, что и сравнить не с чем. Привезла свою бабушку, якобы устроить в инвалидный дом. Но не устраивала, несмотря на мои просьбы, бабушка была ей нужна, чтобы смотреть по ночам, в ее отсутствие, за детьми. Под конец устроила всю бумажную часть и все-таки не перевезла, а когда я после ее отъезда отправилась туда, – нет мест. Есть места в приемном покое. Я пожалела несчастную М.Е., и на свою голову. Теперь вот уже неделю живу рядом с умирающей. Это не под силу мне. Болит весь затылок, горит, как обожженный. При этом малыши, сдача перевода, последние экзамены, годовой отчет в училище и постановка в театре. «Как мне хочется, чтобы меня приласкали», – сказала как-то Мария Евгеньевна. Я ее поцеловала, погладила, стараюсь быть как можно ласковой. Но все-таки почему я? У нее есть внучка, племянницы, а я-то чужой ведь человек. И так всю жизнь.

Я сегодня совсем расстроилась. Взяла утром Евангелие, оно само раскрылось на 15-й главе <Послания> Павла к римлянам: «Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угодать», – меня поразил этот ответ на мои мысли. Конечно, я сильная. Приходится делать много, что кажется непосильным и для многих непонятным. Бондарчук меня называет самоубийцей.

Но тяжело.

В больницу старых *не принимают*. Нужен блат. Попросила Юрия выхлопотать разрешение у Машанского, начальника здравотдела. С няней Наташа тоже не закончила канитель. Ее прописали, дали паспорт. Чтобы получить карточки, надо заключить договор. В группоме договор нельзя заключить *без наряда* из отдела по учету рабочей силы, а наряда не выдают *без договора*. А Шура, как 18-летняя, должна идти на насильственные работы по торфу, лесу, сланцу. Она же крепостная.

Or – les tyrans ont toujours raison и т. д. Нет <козы> с орехами...³²

Рассказы Алеши Б. Варшава.

11 июля. 25 июня я перевезла Марию Евгеньевну в Мариинскую больницу. 26-го пришла к ней с Соней. Не хотели давать пропуска, состояние удовлетворительное, сказали, пропускаем только к тяжелым больным. Я все же добралась до заведующего отделением доктора. Произнесла магическое имя Машанского, который, благодаря просьбе Юрия, велел устроить М.Е. в больницу, и нас пропустили. М.Е. лежала уже с помертвевшим лицом. Она нас узнала, я прочла ей письмо Платонова, она не говорила, не захотела конфет, мы немного посидели, ушли. В ночь на 27-е она умерла. Я нашла карточку, когда ей было 17 – 18 лет. В бальном платье конца 70-х годов с медальоном на цепочке на шее, обворожительная девушка.

Бедная, бедная – один сын убит в ту войну, другой расстрелян, от нее это скрыли. Маргарита Валерьевна умерла в блокаду, зарыта где-нибудь в общей могиле, теперь Алексей Валерьянович. И одна с холодной эгоисткой Наташей.

³⁰ Шапорина, вероятно, законспектировала разговор с кем-либо или собственные размышления, которые можно частично реконструировать: речь идет о репрессированных священнослужителях и их единомышленниках из среды юристов-адвокатов и, возможно, об отношении церкви к коммунистам (сотрудничавшие с ними обновленцы А.И. Боярский и А.И. Введенский, с одной стороны, и активный антикоммунист папа Пий XII по прозвищу Джонни Уокер, с другой).

³¹ Нет большего несчастья для религии или строя, чем находиться под покровительством жандарма (*фр.*).

³² Имеется в виду русская народная сказка «Нет козы с орехами», которую Шапорина, вероятно, знала в пересказе А.Н. Толстого.

Я делала все возможное, чтоб ей было легче, люблю я бездомным людям создавать иллюзию семьи. Создавала это своим детям, затем девочкам Старчаковым.

24 июля. Еще один утопающий. И я его спасла. Спасла, не надеясь на капиталы Карнеджи, которыми он награждал *les enfants valeureux*³³. А за это спасение, пожалуй, стоило бы наградить, тем более что утопающий-то не более не менее как Юрий.

Пришел он ко мне и с большим волнением рассказал, что он в ужасном состоянии, что он может быть опозоренным, – одним словом, что его могут судить за двоеженство, так как он, не получив еще моего ответа на его просьбу о разводе, зарегистрировался с Александрой Федоровной, надеясь, что я всю процедуру развода сделаю тут. А я, помню, обиделась (хочешь разводиться – разводись сам) и послала ему официальное разрешение³⁴. Когда он его получил, было уже поздно; как разводиться, когда его брак зарегистрирован! Почему же он так торопился, ведь я сразу же проделала все формальности? Оказывается, ему казалось, что он скоро умрет (это было в 1943 году). Я предполагаю, что А.Ф. на него очень наседала, и он зарегистрировался с ней, не подумав о последствиях.

И, как на грех, еще рассказал об этом Васе. А Вася спрашивает: можно ли это рассказать Ашкенази?

«Нет, ты представь себе: рассказать Ашкенази. Ведь это значит рассказать всему свету. Я, как нарочно, только что получил оба знака за лауреатство³⁵, затем “За оборону Кавказа”, “За доблестный труд”... вся грудь увешана... Добился известного положения, и если узнают об этом факте, меня же предадут суду; хотел пойти посоветоваться к какому-нибудь депутату Верховного Совета, но ведь черт их знает, кто из них работает в НКВД? Прежде я мог бы по-человечески поговорить, а теперь они пешки, трусливые пешки. Хочу к С.Б. Крылову пойти – этот не выдаст. Что сделать, какой выход найти, кошмар». Видно было, что он серьезно расстроен. И правда, по собственной неосторожности попал в нелепое положение.

И вот я придумала выход: мы развелись давно, разводилась я, уехав осенью 1924 года в Дорогобуж, и затем, взяв детей, уехала в Париж. Дорогобуж разрушен, сожжен, так же как и Смоленск, никаких архивов, конечно, не сохранилось. Скрывали это от детей. Свидетель я, враждебная сторона, и умершая теща.

Юрий был потрясен таким изобретением и *даже* на другой день, по телефону, поблагодарил меня.

Я не могу себе объяснить, зачем я это сделала человеку, который причинил мне столько горя. Я должна была бы злорадствовать, и только. Вероятно, потому, что я органически не могу не помочь человеку, когда он в беде.

А потом сама удивляюсь; каюсь редко.

Юрий сейчас очень мил к внучатам, одел их, очень ласков.

30 июля. Норма питания на месяц по детским карточкам:

Крупы 1 кг 200 гр.

Мяса 500 гр.

Масло 400 гр.

Сахар 500 гр.

17 августа. Утром, я была еще не одета, прибегают Анна Ивановна, глаза на лбу. «Я должна вам рассказать, это так страшно, так страшно!»

Вчера вечером состоялось торжественное собрание писателей в Смольном под председательством Жданова. За ним на эстраду вышли Прокофьев, Саянов, Попков, все бледные, рас-

³³ доблестных мальчиков (*фр.*).

³⁴ По закону о семье (1944) развод был невозможен без согласия каждой из сторон.

³⁵ Сталинскую премию 1-й степени (1945) за ораторию «Сказание о битве за русскую землю» (1942 – 1944) и такую же премию за симфонию-кантату «На поле Куликовом» (1941), вероятно, не врученную из-за войны.

строенные: в Москве состоялось совещание при участии Сталина, рассматривали деятельность ленинградских писателей, журналов «Звезда» и «Ленинград», «на страницах которых печатались пошлые рассказы и романы Зощенко и салонно-аристократические стихи А. Ахматовой».

Полились ведра помоев на того и на другого. Писатели выступали один подлее другого, каялись, били себя в грудь, обвиняли во всем Тихонова, оставил-де их без руководства. Постановили исключить из Союза писателей Анну Ахматову и Зощенко. Их, к счастью, в зале не было.

На московском заседании Прокофьев сказал Сталину: «Но ведь не мы одни, в московских журналах также печатают Ахматову». На что Сталин ответил: «Мы и до них доберемся»³⁶.

Много рассказывала Анна Ивановна, она все записывала. Рядом с ней сидел, по-видимому, чекист. Он все заглядывал на ее писание, и она перешла на армянский. Тогда он ее спросил, на каком это она языке пишет!!

По-видимому, наступил период «торможения» по Павлову, и торможения крепкого. Генералиссимус желает быть верховным главнокомандующим во всех областях.

Говорят, и как будто знающие люди, что Жуков арестован. Сосо³⁷ перещеголял всех царей. Суворов иногда впадал в немилость, какие пустяки. Жуков, герой войны, взявший Берлин, в тюрьме. Антонов, Новиков, вероятно, за ними последует и Рокоссовский.

А литература давно в тюрьме. Теперь на нее окончательно надели намордник.

Велено больше не писать исторических романов, лирики, необходимо освещать строительство и восстановление.

Стыд, конечно, не дым...

Но какой удар по самим себе! Победители – в тюрьме. Литература – на прокрустовом ложе. Доколе же, о Господи? После такой войны, я думаю, что писатели запьют и литература замрет совсем. Будет пастись в лопухах.

Да, после того как Зощенко ругали за какое-то произведение³⁸, на трибуну вышла Дилакторская и сказала, что она подала ему эту идею. Была она очень бледна, в белом костюме, с палкой. Позади Анны Ивановны какие-то типы кричали: «Тоже заступница!»

Надо не думать, не думать. Писатели – им туда и дорога, какие у нас писатели! Жалкие, трусливые творцы макулатуры. Их не жалко. А вот Жуков. Какой должен быть шум по этому поводу на Западе.

Неужели я не дождусь рассвета?

На днях, в дни юбилея Блока, приезжал Юрий: выступал и, как говорят, очень хорошо³⁹.

³⁶ События развивались следующим образом: 18 апреля 1946 г. Жданов на заседании в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) сообщил отрицательное мнение Сталина о журналах «Звезда» и «Новый мир» (Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945 – 1953. М., 2005. С. 77). 7 августа Жданову поступила Докладная записка Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) о неудовлетворительном состоянии журналов «Звезда» и «Ленинград». 9 августа по итогам рассмотрения вопроса о журналах Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, а 14 августа было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (на заседание, на котором принималось постановление, были вызваны главные редакторы журналов и тогдашний руководитель Ленинградской писательской организации А. Прокофьев). 15 августа Жданов разъяснял постановление на собрании партактива Ленинграда, а 16 августа на общем собрании писателей. 19 августа на заседании ленинградского Правления Союза писателей СССР Ахматова и Зощенко были исключены из Союза писателей, 4 сентября Президиум Правления Союза писателей СССР утвердил это постановление. 21 августа в газетах «Культура и жизнь» и «Правда» было опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», послужившее началом последующей пропагандистской кампании. Обстоятельный анализ подготовки Постановления, его реализации и последующей интерпретации в исследовательской литературе см.: *Бабиченко Д.А.* Писатели и цензура: Советская литература 1940-х гг. под политическим контролем ЦК. М., 1994. С. 118 – 147.

³⁷ Так звали Сталина друзья его юности.

³⁸ Рассказ для детей «Приключение обезьяны».

³⁹ 6 – 7 августа в Ленинграде отмечалось 25-летие со дня смерти Блока. Торжественное заседание происходило 7 августа в Большом драматическом театре. Шапорин выступал с воспоминаниями о встречах с Блоком и работе над музыкальным циклом «На поле Куликовом» (см.: Советская музыка. 1959. № 12. С. 35 – 37).

На другой день слова Жданова: «Зощенко собирался каннибальствовать на прекрасном теле Ленинграда. А вы знаете, кого мы во время блокады называли людоедами?»

Слова Сталина: «За миллионы получаем гроши»⁴⁰.

Ça se n'est pas du Napoléon⁴¹.

23 августа. Хочется плакать, плакать над собой, над неудачной жизнью, над своей усталостью, которая дошла до предела. А до начала работы одна неделя. Хочется лечь в больницу, закрыть глаза и умереть, не дождавшись рассвета.

10 сентября. «Благодать и мир вам да умножится в познании Бога... дабы вы чрез них соделались причастниками Божеского естества...» – 2-е Послание ап. Петра⁴².

Это самое главное: чувствовать себя причастником Божеского естества, и я это чувствую, не всегда, но в те минуты, когда могу сосредоточиться и молиться.

Нельзя так падать духом. За последние две недели я отдохнула; я ничего не читала, отложила перевод, шила детишкам, днем отдыхала, наслаждалась красотой Токсова, глотала витамины Б и пришла в себя. А вокруг волны паники захлестывают все и вся. Период «торможения» расцветает махровым цветом, но на всех производит впечатление предсмертной судороги. После шумной и неприличной расправы с Зощенко и Ахматовой пошли статьи о театре, о критиках⁴³, все ослы лягаются как могут. В театрах полнейшая паника. Никто не знает, что уцелеет из постановок. Снят Пристли⁴⁴, снята «Дорога в Нью-Йорк»⁴⁵. У Дмитриева 3 августа я встретила Юдкевича из Театра Ленинского комсомола, мы смотрели эскизы В.В. к «Униженным и оскорбленным» (очень хорошие эскизы), но театр не знает, пойдет ли спектакль или нет⁴⁶, не снимут ли совсем готовый спектакль «Тристан и Изольда» Бруштейн⁴⁷ в декорациях Альтмана с музыкой Кочурова. Кочуров мне звонил вчера: «Мои “Отцы и дети” в Большом драматическом пляшут»⁴⁸. Ему был заказан Мариинским театром балет «Дон Жуан». Уже написана первая часть, которую он играл в театре, очень понравилась; если не снят, то отодвинут⁴⁹. В Эстраде сняты рассказы Чехова.

Я представляю себе положение художественных руководителей театров. Вот уж «табак», в волжском смысле слова, так табак⁵⁰. Под горло подперло. А все, что пишется, – стыдно читать, например: литература должна служить только Партии и государству, не имеет права быть аполитичной⁵¹; в этом всем что-то до того затхлое, отсталое, тупое. И неприличное.

Снят Капица отовсюду. Будто бы отказался работать над атомной бомбой⁵². Зощенко рассказал Софье Васильевне Шостакович, что на днях к нему пришел заведующий того мага-

⁴⁰ По-видимому, имеется в виду интерпретация Сталиным соотношения потерь СССР во время войны с полученными в послевоенное время репарациями.

⁴¹ Это вовсе не похоже на Наполеона (*фр.*).

⁴² Контаминация из: 1: 2 и 1: 4.

⁴³ Вслед за Постановлением 14 августа о журналах «Звезда» и «Ленинград» последовали постановления ЦК ВКП(б): «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа) и «О кинофильме “Большая жизнь”» (4 сентября). Постановления обсуждались в творческих коллективах и на страницах газет и журналов.

⁴⁴ В это время в нескольких театрах шла популярная в СССР (с 1939 г.) пьеса Д.Б. Пристли «Опасный поворот» (1932).

⁴⁵ Пьеса Л.А. Малюгина (1946) по мюзиклу Р. Рискина шла в Театре комедии.

⁴⁶ Спектакль по повести Достоевского (1861) в инсценировке Л.Н. Рахманова и З.Л. Юдкевича был поставлен только в 1956 г.

⁴⁷ Драма в 4 действиях (1945).

⁴⁸ Эта работа не была осуществлена.

⁴⁹ Кочуров написал отдельные сцены; постановка не была осуществлена.

⁵⁰ То есть: дело плохо, требуется остановка; Шапорина имеет в виду волжских бурлаков, от которых распространилось это выражение.

⁵¹ Шапорина имеет в виду Постановление от 14 августа, положения которого затем систематически воспроизводились в газетных статьях.

⁵² В августе 1945 г. был создан под председательством Берии Специальный комитет для руководства работами по исследованию внутриатомной энергии урана – фактически создания атомной бомбы. В комитет был включен Капица. 3 октября

зина, в котором он прикреплен, и принес ему большой ящик с консервами⁵³. Он просил его принять это и сказал, что когда бы М.М. ни понадобилось что-либо, он всегда будет счастлив ему помочь, так как большой его поклонник.

Это трогательно. Но я боюсь, как бы Софья Васильевна не разгласила это слишком широко, бедный директор магазина отправится тогда куда и Макар телят не гонял.

Симонов рассказал Юрию Александровичу, что дня через два-три после победы под Сталинградом он отправился на те поля, где полегла итальянская дивизия⁵⁴. Легкий снег запорошил трупы убитых. Когда его поражало какое-нибудь лицо – он доставал его документы, знакомился с содержимым. Он увидел лицо поразительной красоты, юноша лет 20 – 22. Вынул бумаги, оказалось – герцог. На его лице сидел маленький мышонок и грыз его ноздрю. Симонов сказал, что это самое страшное, что он видел за войну.

Передал мне это Вася. Он приехал 5-го под вечер. Я отворила дверь, увидела очень худого незнакомого человека и спросила: «Вы к кому?» Каково, родного сына не узнала. В тот же вечер он уехал к Никите, ночевал у него.

Мне больно, но я молчу. Они оба с Наташей какие-то центробежные силы, неуютные. А детишки чудные. Как-то сами по себе.

Дмитриев закабалил Васю, бедняга на него проработал весь отпуск, приехал сюда, и теперь его вызывают в Москву, он должен выехать 12-го, т. к. в студии раздают задания⁵⁵.

Звонил сегодня с утра Юрий и днем еще второй раз. У Васи всегда была способность надевать на себя шоры. Он увлечен Дмитриевым и не замечает, как тот его эксплуатирует. Вася написал все эскизы «Бориса Годунова» для Киева. Дмитриев давал ему крохотный карандашный набросок, и это скрывается – вся слава и деньги Дмитриеву, а Вася считает себя облагодетельствованным.

Сердце у меня сжимается, глядя на его худобу, зная его болезненность. Хотела заказать ему очки, свести к окулисту, он портит себе зрение без очков. Он это знает и из года в год ничего не предпринимает.

Дмитриев ругал мне Наташу нещадно: у нее нет души, она птица или рыба, но не человек. Способная, но ничего не умеет и не хочет делать и т. д. и т. д.

Больно все это. Еще хорошо, что Юрий теперь очень Васю опекает, заботится о нем.

12 сентября. «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх...». 1-е Послание Иоанна <4, 18>.

11-го была назначена репетиция нашего кукольного театра в Доме пионера и школьника. «Василиса Прекрасная», которую мы репетировали, снята. В школах, где пытались продавать спектакли, спрашивают: у вас советские пьесы? А те, которые рискуют взять сказки, спрашивают, есть ли новое разрешение, надо будет еще раз пригласить репертком. Это для детей первых трех классов! Говорят, что скоро будут «прорабатывать музыку», а именно «Дуэнью» Прокофьева⁵⁶ и 9-ю симфонию Шостаковича⁵⁷. Вот тебе и на! Только что Д.Д. дали вторую квартиру, вторую машину и 60 000 на обзаведение.

и 25 ноября Капица дважды просил освободить его от работы в Специальном комитете в связи с конфликтом с Берией. В августе 1946 г. по распоряжению Берии Капица был снят с должности директора Института физических проблем и жил под домашним арестом на даче.

⁵³ После исключения из Союза писателей Ахматова и Зощенко были лишены продуктовых карточек (возвращены в мае 1947 г.).

⁵⁴ 2 февраля 1943 г. завершился разгром 6-й немецкой армии под Сталинградом и в самом городе.

⁵⁵ Имеется в виду студия МХАТ, в которой В. Шапорин учился у Дмитриева.

⁵⁶ Опера Прокофьева (1940); другое наименование – «Обручение в монастыре».

⁵⁷ После первого исполнения 9-й симфонии (3 ноября 1945 г.) ее критиковали в декабре 1945 г. на дискуссии в Московском отделении Союза композиторов, затем на расширенном пленуме Оргкомитета Союза композиторов и в газетных статьях. Наиболее резкая критика последовала на обсуждении Постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» в Центральном доме композиторов в феврале 1948 г. См. также погромную статью: *Коваль М.* Твор-

Встречаю Леонида Ильича Борисова. У него сняли переиздание «Волшебника» с иллюстрациями Альтмана. «Гроза надо мной прошла, но не убила, только град по черепу побил. Приходится продавать вещи, чтобы продержаться месяца четыре, пока не напишу новое». Его «Волшебник из Гель-Гью» имел очень большой успех⁵⁸.

В кукольном театре, значит, спектаклей не будет месяца два, и я вообще хочу оттуда уйти. И вот я на бобах. Пишу перевод писем Петрова-Водкина⁵⁹. Я отдыхаю умственно, и очень тянет меня к моему театру, к милым марионеткам. Момент, прямо скажем, неподходящий.

Чтобы паника стала общей и чудовищной, распространился слух, что с 15 сентября твердые цены на продукты увеличиваются втрое! Вот уж «наплеви́зм» так «наплеви́зм». (Новое словообразование, выпущенное в постановлении ЦК для всемирного восхищения⁶⁰.)

И еще слухи: на Володарском мосту зенитки установили.

Одним словом, все, чтобы злополучный и нищий обыватель потерял последнюю частицу здравого смысла.

Кривое зеркало работает вовсю.

Встречаю Леночку Хмызникову, героическую девушку, внучку Клавдии Лукашевич. Она работает в Нейрохирургическом, учится в Медицинском институте и воспитывает брата. Розовенькая блондинка лет 24. Софья Васильевна Шостакович говорила мне, что она пишет, у нее прелестные стихи. Спрашиваю ее, как стихи? «Что вы, разве теперь можно писать, после случая с Ахматовой и Зощенко, всякая охота пропала».

Почему я нисколько не охвачена паникой и с каким-то даже удовольствием смотрю на эти неверные шахматные ходы.

28 сентября. Запугивание обывателя продолжается, и совершенно ясно ощущается желание именно запугать и потрясти несчастного советского человека. Он превратился в Акакия Акакиевича⁶¹, но положение его трагичнее. 15 сентября подняли цены невероятно: черный хлеб 3.40 вместо 1.10. Булка вместо 2.95 – 5 и 8 рублей. Мясо 30 (после 10) и т. д. В это же время Жданов с высоты престола обозвал Ахматову блудницей, и газеты полны призывами к подъему идейности, партийности и т. п. Сегодня *вдруг* перестали давать по рабочей карточке белый хлеб; отменили его и по литерным и дополнительным карточкам. Можно брать взамен булки муку [1 нрзб.], но масла не дают уже вторую декаду и закрыли дрожжевой завод. Дрожжей нигде нет.

Была вчера у Анны Петровны. Она глубоко возмущена ждановской речью. Как можно оскорблять всенародно женщину! Критикуй поэта, но оскорблять женщину недопустимо. И вот мы не можем написать.

Я ночью составила мысленно очень красноречивое письмо Жданову, в котором я говорю, что такое выступление позор для них и т. д. А потом подумала: если меня вышлют, это не беда, меня это не страшит. Но Васю исключат из студии. Перед ним закроются все дороги, а проку никакого.

Дилакторская рассказала мне следующее: Ахматовой позвонили, что к ней через полчаса придет секретарь Гарримана, профессор такой-то. Обстановка у А.А. убогая, никакого уюта,

---

чешский путь Шостаковича // Советская музыка. 1948. № 1 – 3.

⁵⁸ 1-е издание романа вышло в 1945 г. с иллюстрациями С. Майофиса; 2-е, о котором здесь идет речь, с рисунками Н. Альтмана, в 1971 г.

⁵⁹ Петров-Водкин переписывался с женой по-французски; эта работа не была осуществлена.

⁶⁰ Шапорина повторяет слова из постановления от 14 августа: «Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплеви́зма и безыдейности». В постановление это слово попало из выступления Сталина на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 9 августа 1946 г. по вопросу о журналах «Звезда» и «Ленинград» (см.: Большая цензура: писатели и журналисты в Стране Советов 1917 – 1956. М., 2005. С. 573). Оно отмечено как новообразование в середине 1920-х (например: Комсомольская правда. 1925. № 162) в исследовании: Селищев А.И. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917 – 1926). 2-е изд. М., 1928. С. 37.

⁶¹ Персонаж повести Гоголя «Шинель».

никаких вещей, на окнах разные занавески. Кое-как привели в порядок, она пригласила двух приятельниц и приняла профессора⁶². Он говорил по-русски. Через некоторое время он опять приходит в 8 часов, сидит до 9, 10, 12. Ахматова не знает, что делать, ведь надо угостить человека. Хозяйство у нее общее с Пуниными – они легли спать, и дверь к ним закрыта. На пять человек собрали три чашки, подали кислой капусты. Он просидел до 2 часов ночи.

Может быть, он ждал ухода приятельниц и хотел поговорить с ней наедине? Говорят, Ахматову очень любят в Англии.

30 сентября. Разговор по телефону. Анна Петровна: «Не вздыхайте, все утрясется». Я: «*Qui vivra verra, gira bien qui gira le dernier. Après nous le déluge*»⁶³.

1 октября. Бедного обывателя, или, вернее, советского раба, продолжают бить обухом по голове: 28-го было сказано, что по дополнительным и литерным карточкам булка заменяется мукой, а 29-го это уже отменили, отменили вообще выдачу муки и крупы по карточкам. Вчера в булочных висели объявления, что 1 октября хлеба не будет, его заменят картошкой. Поэтому сегодня с утра у коммерческих булочных огромные очереди, а в простой булочной никого, и Шура благополучно получила хлеб. Детям сбавили 100 грамм. Теперь им всего 300 грамм. А иждивенческие почти уничтожили. Слухи: трамвай будет стоить 40 к., баня 3 р., квартира 1 метр 4 р. (теперь 1. 32 к.), а за комнатные излишки 9 р.

Много арестов. «Работайте побольше, ешьте поменьше».

Хоть бы дожить до будущего судебного процесса, на котором будут разбираться «преступления против человечности».

Получила сегодня письмо от Елены Михайловны Тагер и заплакала: она просит, чтобы я нашла Машу: «...сообщите мне, ничего не смягчая, ничего не скрывая, как бы ни были печальны Ваши впечатления. И наконец – самое горькое: как вам покажется, могу я еще рассчитывать на какое-то место в их памяти, в их дальнейшей жизни, или лучше мне потихоньку смыться с их горизонта и не ложиться всей тяжестью на их анкету, а может быть, и на их судьбу? Горько ставить такой вопрос, но он неизбежно будет поставлен самой жизнью»⁶⁴. Какая кара, какое наказание должно постигнуть злодеев, испоганивших русскую жизнь?

4 октября. Производит впечатление, что кто-то хочет вызвать панику; кто-то – это не буржуазный спекулянт, а правительство, которое спекулирует на голоде и гонит в коммерческие магазины с непосильными ценами. В первый момент некоторого снижения цен в коммерческих магазинах рынок подешевел. Но когда рынок убедился, что в коммерческих ничего нет и обеспечить обывателя они не могут, рынок сразу же повысил цены. *Du jour au lendemain*⁶⁵ картошка с 5 прыгнула на 8 и 9 (вчера), а сегодня уже 9 и 10. Масло с 150 р. до 170, 180. Хлеб 20 р. кило. Школьникам 9-х и 10-х классов давали 550 гр., теперь их уравнили с малолетними и дают 300 гр.

По слухам, были случаи самоубийства. Женщины вешались и оставляли письма: «Кормить нечем, кормите детей сами». Или: «Муж убит на фронте...»; говорят: рабочие завода Марти послали Сталину письмо с жалобой о непомерно высокой цене на хлеб. Женщины бегают из очереди в очередь, видят пустые прилавки в коммерческих булочных и лабазах и приходят в отчаяние. И есть от чего.

⁶² Имеется в виду И. Берлин (см.: *Берлин И.* Встречи с русскими писателями: (1945 и 1956) // Берлин И. История свободы. Россия. М., 2001. С. 467 – 482). См. далее записи от 28 февраля и 12 апреля 1948 г. См. подробное исследование (с привлечением новых материалов) обстоятельств встреч Берлина с Ахматовой в ноябре 1945 г. и январе 1946 г.: *Копылов Л., Позднякова Т., Попова Н.* «И это было так»: Анна Ахматова и Исайя Берлин. [СПб.], 2009.

⁶³ Поживем – увидим, и хорошо смеется тот, кто смеется последним. После нас хоть потоп (*фр.*). Последнее высказывание приписывается фаворитке французского короля Людовика XV маркизе Помпадур, так утешавшей короля после поражения его армии.

⁶⁴ Письмо от 25 августа 1946 г. (ОР РНБ. Ф. 1086. № 31. Л. 1 – 2 об.). Здесь и далее цитаты из писем Тагер выправлены по оригиналам.

⁶⁵ Не успели оглянуться, как (*фр.*).

Надоело, и не стоит об этом говорить; не первое потрясение мы переживаем, но страшно за детей, ведь я же без работы.

5 октября. «Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружие света». Ап. Павел. К римлянам, Гл. 13, <12>.

Хоть бы...

14 октября. На Кузнечном рынке: толстая немолодая женщина в драповом пальто и черном платке, с красным лицом, продирается в толпе: «Бегемот, я тебе покажу, бородатая голова, бегемота, мне не замуж за тебя выходить, свой муж есть».

15 октября. Стояла на днях в очереди в нашем литературном магазине. У людей появляется опять тот «ужас в глазах», который мама когда-то, в начале 20-х годов, наблюдала у приезжающих в Дорогобуж петроградцев и москвичей. Этого «ужаса» не было во время блокады, а появился сейчас от угрозы надвигающегося голода, от бесконечных, все новых экспериментов наших правителей. Уныние, беспредельное уныние на лицах. Жизнь непосильна. Надо найти какой-то трюк, чтобы зарабатывать много денег. Наташа уехала 20 сентября с обещанием вернуться через две недели с деньгами от проданных вещей Алексея Валерьяновича. И стала там устраиваться на работу и искать комнату. С ее отъезда я получила от них 300 рублей 8 октября. Дети сидят без молока и на одной картошке, которую я занимаю у девочек. Поехала сегодня в ЛОССХ, мне должны 3700 рублей за перевод писем Петрова-Водкина (неинтересных) – платежи отложили на 30-е. Направилась к Марии Федоровне попросить займы – денег нет. У Бондарчуков тоже пусто, сами занимают. Какое мученье нищенствовать. Наташа на днях позволила, на мои слова, что я сижу без денег, дети плохо питаются, эта нежная мамаша ответила: «А откуда же нам брать деньги, мы сами сидим без гроша». Как это назвать, и как назвать мою непроходимую и неисправимую глупость?

Да, надо записать: была я на общем собрании секции переводчиков Союза писателей для обсуждения постановления ЦК партии. К счастью, никто ляганьем не занимался, говорили о своих профессиональных делах. А.А. Смирнов приводил примеры неправильно переведенных Пастернаком текстов Шекспира. В переводе надо не только точно переводить смысл и идею автора, но надо, чтобы перевод был идеологически правилен с современной нам точки зрения. Например, у Шекспира в комедии «Два веронца» есть фраза, в которой встречается слово «jew», т. е. «жид». Но мы не можем оставить этого выражения. Кто-то предложил заменить «жида» ростовщиком. А.А. предпочел «нехристь».

Почему, если Шекспир хочет сказать «жид», мы должны смягчать это?

Вот потому-то я ничему и не верю, что сейчас пишется.

17 октября. «Разве не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живет в вас?

Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят; а этот храм – вы». 1 Коринф. Гл. 3, 16 и 17.

Вчера у Сони было опять 39, она страшно плакала, Бондарчук тотчас же разузнал адрес и телефон доктора Карпова, звонил ему, и доктор был у нас в 11 часов вечера. Антон Васильевич – редкой отзывчивости человек.

31 октября. Сейчас вернулась с гражданской панихиды по Борисе Пронине в Александринском театре. Борис Пронин – это целая эпоха, блестящая предреволюционная эпоха. Кого только он не знал, с кем не дружил. Я отдельно запишу все, что вспоминается о нем, все наши встречи, отношения, все его рассказы⁶⁶.

Говорили у гроба Вивьен, Мгебров, Скоробогатов, Тиме. Мгебров знал его еще в студии Станиславского, указал на ту роль, которую Борис сыграл в организации 1-й и других студий⁶⁷, – «в нем было нечто от средневекового рыцарства, он был подлинный трувер искусства,

⁶⁶ Этот замысел не был осуществлен.

⁶⁷ Имеются в виду Первая (с 1913 г.) и Вторая (с 1916 г.) студии Московского Художественного театра.

театра. Как у трубадура, в нем не угасал энтузиаст, любовь к театру». Мгебров называл это куртезианством⁶⁸. Хорошо говорил.

5 ноября. Мои испытания не кончились: у Сони порок сердечного клапана, шум. Что же это такое, за что? Если этот ребенок погибнет, я жить не стану. Довольно. Я совершенно подавлена.

Но и у всех настроение подавленное, угнетенное до последней степени.

С неделю тому назад пришла ко мне Маргарита Константиновна Гринвальд. Весь прошлый год, вернувшись из Иванова, она преподавала английский в университете, составила блестящую историко-политическую хрестоматию для студентов, подготавливала диссертацию, была прописана. И вдруг в августе приказ уехать из Ленинграда, жить не ближе сто первого километра. Кто-то (по-видимому, Тарле) был у Шикторова, долго его упрасивал, причем Шикторов ему говорил: «Вы не все знаете». Наконец Шикторов обещал разрешить ей остаться. Но через несколько дней Тарле позвонил секретарь Шикторова Соловьев, что разрешения не последовало. М.К. уехала в Вишеру⁶⁹ и там кончала диссертацию. Она приехала сюда за вещами, чтобы ехать в Иванов. Я стала ее уговаривать пойти самой к Шикторову или, по крайней мере, его секретарю, но она и слышать об этом не хотела. Слишком натянуты, «избиты» были нервы, чтобы вновь приниматься за бесплодные хлопоты. М.К. у меня ночевала, отдохнула на хорошей кровати и в конце концов поддалась моим уговорам. Решили, что она пойдет в НКВД и постарается добиться по телефону секретаря. (Надо сказать, что недели две тому назад М.К. послала письмо этому самому Соловьеву и ответа не получила.)

Через полчаса она вернулась ко мне – капитан Соловьев назначил ей прийти на следующий день. Она захватила с собой свою хрестоматию, диссертацию, Соловьев взял ее «дело», стал его перелистывать. «Бывает, бывает, – говорил он, – и из-за таких пустяков вас мучили... Когда это было, ведь былшем поросло».

Взял у М.К. заявление, снес Шикторову на подпись, разрешили прописку на шесть месяцев и посоветовали вновь хлопотать о снятии судимости!! А судили ее в 30-м году, сослали на Беломорканал на 3 года⁷⁰. Вернувшись, она была прописана здесь. В 35-м высылка в Уфу на 3 года, затем переехала в Иванов... Следовательно, судимости ее уже 16 лет, и она все еще не снята!!

Маргарита Константиновна пришла прямо ко мне: «Вы моя благодетельница, если бы не вы, я ни за что не решилась бы на этот шаг».

А эти-то мерзавцы, отказывая Тарле, о чем думали? Он ведь только тут, при ней, впервые ознакомился с делом.

И эти люди проповедуют на конференции демократизм и мечут громы на южных африканцев за уничтожение индусов⁷¹.

Моя жизнь бесконечно трудна. Наташа оставила детей, деньги они шлют неаккуратно и слишком мало, я сидела без денег, Соня больна, повышается температура, и у меня ни копейки, чтобы доктора позвать. Та же Маргарита Константиновна заставила меня взять 100 рублей,

---

⁶⁸ По-видимому, рыцарская честь (от *фр.* *courtoisie*).

⁶⁹ Правильно: Малая Вишера в 180 км от Ленинграда.

⁷⁰ Беломоро-Балтийский исправительно-трудовой лагерь был организован в 1931 г. на базе Соловецкого (закрыт в 1941 г.). Располагался на ст. Медвежья гора Карело-Финской АССР. Заключенные строили Беломоро-Балтийский канал, соединивший Белое море и Онежское озеро.

⁷¹ В повестку дня происходившей в октябре – ноябре 1946 г. сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций было включено рассмотрение жалобы индийского правительства на уничтожение индийцев в Южной Африке. Шапорина реагирует в данном случае на следующую фразу в «Международном обзоре» (Ленинградская правда. 1946. 3 нояб.): «Тревогу и возмущение сторонников демократии и международного сотрудничества вызвала попытка делегации Южно-Африканского Союза снять с повестки дня сессии обоснованную жалобу индийского правительства на несправедливый режим, установленный для индийцев в Южно-Африканском Союзе».

и я позвала Фарфеля. Я все время вспоминаю болезнь Аленушки, мои муки, без денег, без докторов... Шапорины, одним словом.

Доктор высказал предположение, не было ли у Сони скрытой скарлатины, вызвавшей это осложнение с сердцем. Наташа мне звонила из Москвы числа 29-го, я ей об этом рассказала. Бондарчуку, к которому они с Васей в Москве зашли, она передала, что Соня больна скарлатиной, и с тех пор она не только не приехала, что сделала бы всякая мать, но даже больше не звонила по телефону.

Когда я говорила 2-го с Васей, он меня даже не спросил о детях.

Что за сердца у этих людей! Юрий летом обещал мне золотые горы, когда был обеспокоен своим двоеженством. Его успокоил какой-то адвокат, и теперь все обещания забыты. Я довела свой гардероб до того, что мне не в чем на улицу выходить. У меня нет совсем сапог, кроме рваных старых прюнелевых туфель⁷² Л. Насакиной. Мой единственный костюм (ему 10 лет) безнадежно продран на локтях и повсюду. Чулок нет, а шуба (моему бедному кроту тоже 10 лет), шуба такова, что я до сих пор хожу в летнем пальто. Вася обещал мне устроить и сапоги, и платье в Музфонде, но, конечно, это все забыто. Как я переживу эту зиму, один Бог знает.

Я уже не зову Soeur Anne, – это безнадежно, я не вижу не только братьев, но и *herbe que verdoie et le soleil qui poudroie*.

Несчастный народ. В колхозах государство забрало все, вплоть до семенной картошки и хлеба. И это повсеместно, и под Ленинградом (Шурин зять), и на Урале, куда ездил муж Аннушкиной племянницы. Колхозники за трудодни ничего не получили, а мы помогаем другим странам, которые, конечно, не так голодают, как мы.

Наташа Лозинская рассказала, что в книжных лавках и библиотеках изъята вся иностранная литература, изданная после 1917 года⁷³. Выписывать научные книги больше не разрешают. Какова неуверенность в самих себе, какой страх перед Западом.

Ольга Абрамовна Смирнова шла по каналу Грибоедова в Госэстраду. У ворот дома стояла карета с решетками в окнах, из двора конвой вел пожилую женщину, элегантно одетую, интеллигентного вида. Вывернув ей руки, толкнули в карету. За ней бежали две молодые женщины; одна из них подбежала к карете: «Мамочка, возьми хоть хлеба», – подала. Конвойный оттолкнул: «Хочешь, и тебя туда же». В карете опустилась решетка, захлопнулась дверь, карета уехала. «Мамочка, мамуленька!» – кричала дочь...

16 ноября. Из речи Фадеева в Праге: «Я не понимаю, зачем местной газете “Свободные Новины” понадобилось на своих страницах печатать произведения Зошенко и Ахматовой? Зачем нужно собирать объедки с чужого стола, выброшенные в мусорный ящик... такой путь собирания объедков с чужого стола может привести только в болото»⁷⁴. Кто дал ему право так говорить? Какая отвратительная подлость! Писатель, русский интеллигент, поносит своих товарищей за границей, в Праге. Какая чудовищная низость! Таким выступлением можно

---

⁷² Из плотной тонкой хлопчатой, шелковой или шерстяной ткани.

⁷³ Списки и сводные каталоги Главлита (Главное управление по делам литературы и издательств; в дальнейшем: Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати), по которым из библиотек и книготорговой сети изымались книги, и сведения о самих этих книгах см.: *Блом А.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917 – 1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003. В библиотеках для хранения книг, изъятых из общего пользования, Приказом № 10 от 25 октября 1938 г. Уполномоченного Совнаркома СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита были образованы Особые фонды (спецхраны) (История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997. С. 492 – 493). Систематическое изъятие книг происходило по широкому спектру мотивов. В данном случае сообщаемые сведения являются легендарными.

⁷⁴ Фадеев выступал в Праге на собрании чехословацкого Общества культурной связи с СССР. В публикации этого выступления Фадеева об Ахматовой сказано, что она поэт «старой России, последнее наследство декаданства, оставшееся у нас» (*Фадеев А.* О традициях славянской литературы // *Новый мир.* 1946. № 12. С. 213). В пражской газете «Свободные Новины» был опубликован рассказ Зошенко; публикация стихотворений Ахматовой в библиографических списках переводов ее произведений не зафиксирована.

подорвать всякое уважение к русскому народу. Какое растрление нравов! Не могу, физически тошнит. Двадцать девять лет такого страдания, презрение душит.

А мое положение ужасно. Сегодня 16-е. Десять дней тому назад Вася позвонил, сказал, что через два дня высылает мне деньги. И ничего. Мне предложила Анна Петровна по своему почину деньги, у вас, говорит, вероятно, их нет. И я взяла еще 300 рублей. В начале месяца Юрий дал Васе 1000 рублей для детей. Наташа внесла их целиком за свои полкомнаты. Никита одолжил ту тысячу, которую мне передала Мапа Радлова.

Сами родители не прислали ни копейки. Хорошо, что я из ЛОССХа получила 960 рублей. Живем мы на одной картошке, брюкве, и на это нужно 3000 в месяц, даю детям молоко. Как будет дальше, не знаю. Но я давно не испытывала такого истязания, как теперь, когда у меня иссякли свои ресурсы, а на руках двое маленьких детей и их няня.

26 ноября. Вернулась с перевыборов горкома писателей. За столом президиума сидели Григорьев Н.Ф., известный тем, что составлял резолюцию после доклада Жданова, а незадолго перед тем говоривший, что за четверостишие Ахматовой о победе он готов отдать все стихи остальных современных поэтов; Трифонова Т.К., лягавшая ослиным копытом Ахматову и Зошенко, и Браусевич, подлость которого мне близко известна по его интригам против меня в кукольном театре. А другие?!

Все они, конечно, чекисты; недаром А.О. говорил, что Союз писателей – филиал Большого дома. Вообще, о всех союзах можно сказать то же самое. Наметили кандидатов, четырнадцать, раздали печатные списки, соседи указали, кого вычеркнуть, – всего членов правления должно было быть одиннадцать. Наутро, проснувшись, я подумала: почему я вычеркнула только троих, а не всех? Парадоксальная фаза, что ли?

Атмосфера хозяйственного (о политическом мы судить не можем) банкротства во всем. Детей лишили с 1 декабря школьного питания, дали иждивенческие карточки – это 200 гр. жиров и один кг крупы в месяц. Их школьный паек нельзя было и сравнивать с иждивенческим. Вхожу в их комнату, Галя разрыдалась: надо бросать учение теперь, когда осталось всего две с половиной четверти до окончания школы. Только выкупить хлеб – это уже 100 рублей. Подсчитали: чтобы продержаться впроголодь, надо им 600 рублей в месяц; откуда же их взять? Евгения Павловна получает 300 рублей, я не работаю, и все, что я еще получаю за перевод писем Петрова-Водкина, идет на детей, я себе отказываю во всем, в чем могу. Детям до 4 лет давали в детской консультации дополнительное питание, с декабря дают лишь до 3 лет. По всему городу, а в особенности на окраинах, грабежи и убийства. Учреждение Ольги Андреевны находится напротив Волкова кладбища. Служащие вечером выходят гурьбой, т. к. там раздевают, две инкассаторши были зарезаны и ограблены. Начальник Ольги Андреевны говорил ей со слов начальника милиции, что милиция бессильна бороться с этой волной грабежей, т. к. это не известные рецидивисты, вору – на разбой пошло *население*. Девушки пойдут на проституцию.

Выяснилось, что высшее образование женщине не нужно, ни к чему, говорит мне Мара. Все дороги, кроме медицинской и педагогической, будут закрыты женщине. А медицина? Надо проучиться с крошечной стипендией 5 лет, после чего попадешь в деревню с окладом 500 рублей, и шлепай во всякую погоду пешком, не имея даже возможности сапог купить. Лучшее всего, говорят школьницы, это ВУЗ – выйти удачно замуж. В поисках жениха их подруга Наташа (ей 21 год) ходит на всякие танцульки в домах культуры, где бывают подонки. Везде сокращения, ужасная безработица, причем у нас безработные получают тотчас же вместо помощи иждивенческую карточку, т. е. 250 гр. хлеба. (Моя Шура «по возрасту» карточки лишена.) Если бы я в свое время не пришла в горком писателей, то тоже сидела бы на таком же смертном пайке. И то лишь с 10-го, вероятно, получу рабочую карточку, т. к. Союзу писателей дан известный лимит. Есть писатели, которые демобилизовались; чтобы дополнить этот лимит, нужны длительные

хлопоты. А если человек меняет место работы, переходит из одного учреждения в другое, он сидит два месяца без карточки. Ощущение растерянности, *débâcle*⁷⁵.

Не так давно, вскоре после выступления Фадеева в Праге, которое меня возмутило и оскорбило до глубины души, я зашла к Анне Андреевне. У нее хороший вид, молодой голос. Я принесла последнюю книжку ее стихов «Из шести книг». Она мне подписала ее⁷⁶.

Говорили о городе: «Я часто уже не вижу его, настолько он весь во мне, настолько он связан с разными моментами моей жизни, связан с различными людьми». Вспоминала Бориса Пронина. Неповторимый, единственный в своем роде человек, импровизатор. Об его похоронах ей рассказывал Мгебров. Вообще, по-видимому, ее многие навещают. При мне пришла Раневская. Высокая, некрасивая женщина в длинной клетчатой жакетке. *Poor old clown*⁷⁷, назвала она себя. В разговоре она становится настолько интересна, что от нее глаз оторвать нельзя. Приезжала сниматься в кино⁷⁸. Интересно ли это, спрашиваю. «Наша профессия, – говорит Раневская, – это Майданек⁷⁹ без отопления. Если советский русский актер еще чего-то добивается, значит, он гений. С нами никто не считается, или, вернее, нас считают низшей расой. Меня снимают... я вхожу в круг, в образ, по Станиславскому. “О, сын мой...” (у меня сцена с сыном) – “Петька-а, освети скулу Раневской, Ванька-а...” и т. д. Крики рядом».

Рассказывает она блестяще, бесподобная мимика, очень жалею, что не видала ее в «Лисичках», когда их театр приезжал сюда⁸⁰.

Заходила на днях Е.П. Якунина. Она наконец получила работу, но комнаты нет как нет. Она рассказывала, что Шувалова (заменившая Карскую, жена Кара-Дэмура) пригласила к себе Акимову (или встретила с ним) и спросила его, не хочет ли он ответить на критическую о себе статью Кара-Дэмура. «Нет, – отвечал Акимов, – я отвечать не стану, так как мнение его для меня неавторитетно. Разве может быть авторитетом человек, который еще не так давно писал целый подвал в восхваление Анны Ахматовой, а теперь пишет противоположное?»

Акимов докладывал Шуваловой о своем репертуаре: столько-то советских пьес, столько-то западных авторов. «Сознайтесь, – спросила Шувалова, – что ставить западные пьесы вам доставляет гораздо больше удовольствия». – «Об удовольствии говорить можно лишь в плане половых отношений», – ответил Акимов.

Елена Петровна, вероятно, знает об этом со слов Шостака, который работает теперь у Акимова.

7 декабря. Так нелепо, неожиданно и негаданно умерла Ольга Абрамовна Смирнова 28 ноября. 25-го я была у нее в больнице, она была весела и бодра, рассказала, что уговорила докторов сделать операцию во вторник 26-го. 28-го уже была без сознания с утра и вечером умерла. Лицо ее в гробу было спокойное, слегка улыбающееся. Ее отец (Городиский) был богатым адвокатом в Ростове-на-Дону. Свой дом, дачи, поездки всей семьей с детьми и боннами за границу – все это оставило свой отпечаток и на ней. Культурная, очень воспитанная, я ее часто ругала за то, что она была слишком «барыня», зная по себе, как это «барство» мне мешало и мешает в современной жизни, мешает с волками по-волчьи выть. Мы с ней познакомились в 42-м году, когда я собирала материалы по работе артистов на фронте, она тогда часто ездила на передний край. Я ее полюбила, в ней было много обаяния, и она ко мне очень

⁷⁵ краха (*фр.*).

⁷⁶ См.: Ахматова А. Из шести книг: Стихотворения. Л., 1940. Экземпляр с дарственной надписью Ахматовой Шапориной не обнаружен.

⁷⁷ бедный старый клоун (*англ.*).

⁷⁸ На киностудии «Ленфильм» в это время с участием Раневской снимался фильм «Золушка» (вышел на экраны весной 1948 г.).

⁷⁹ Предместье польского города Люблин, где осенью 1941 г. немцами был создан концлагерь для военнопленных. Уничтожен Красной армией в 1944 г.

⁸⁰ В спектакле Московского театра драмы по пьесе Л. Хеллман «Лисички» Раневская играла роль Берди.

тепло относилась, мы часто выручали друг друга. Эстрада уже два месяца, в октябре и ноябре, не выплачивала денег. О.А. сидела без дров и денег, не могла двигаться, у нее было сильное кровотечение и боли в ноге, Шура носила ей дрова. Деньги ей уплатили после ее смерти.

Старшая медсестра сказала, что все внутренние органы были разъедены туберкулезом и что без операции она бы погибла.

А я что-то сдаю. Уж очень тяжело быть только нянкой, целый день топтаться на месте и ждать денег. Нет, лучше не говорить об этом.

Спириты говорят (со слов духов), что события принимают все более бурный характер, в 47-м году будет переворот, будет ужасно, но это ужасное будет очень коротко.

10 декабря. Была в Учетном бюро. Вспоминала блокадные нравы. Сейчас все чинно, благовоспитанно. Сидела и ждала Наталью Ивановну Бутову. За перегородкой кабинет директорши. Она все время громко говорит по телефону, что-то разъясняет, кому-то надо провести трехтысячный лимит!⁸¹ Проходит к ней молодой человек в защитной куртке. Через некоторое время грозно и громко раздается: «Что же, мне не жрамши сидеть!» – «Если бы вы были инвалид Отечественной войны...» – «Да я и есть инвалид Отечественной войны, вот видите...» – «Да, но я не знаю, к какой группе вы отнесены». – «Да я ранен в голову, в ногу, у меня припадки бывают, а теперь не жрамши...»

Трехтысячный лимитчик, вероятно, на фронте не был.

А я 10 дней живу с иждивенческой карточкой. Писателям утвержден лимит на карточки, кажется, 300 человек. Нас, не попавших в этот лимит, несколько человек; и вот уже 10 дней длится волокита с утверждением этого дополнительного списка. Я ушла из кукольного театра и перешла в горком писателей, на учете которого состою уже 2 года.

Имею 250 гр. хлеба. Девочкам, к счастью, дают по 400 гр.

Вчера я была на просмотре «Правда хорошо, а счастье лучше» в Драматическом театре с декорациями Якуниной⁸². Узнала, что Наталья Ивановна Животова рожденная Лосева и что отец ее, крупный инженер, был расстрелян. Рассказала мне это Т.М. Правосудович, у которой в те же времена был арестован отец, друг фон Мекка, и умер в ссылке. Как с этим жить? Я и представить не могу. Сердце должно сгореть дотла. Какое великое счастье, что мои братья за границей.

18 декабря. На днях в школе девочкам было объявлено, что кто не внесет 100 рублей за учение (1-е полугодие), не будет допущен в класс⁸³. В прошлом году они были освобождены от платы. Я пошла к директорше. Узнала следующее: в этом году страшные строгости. От финотдела ей дали требование уплатить 14 000, а так как она внесла только 8000, ей наложили арест на счет, и она сидит без денег и без дров. За каждого освобожденного от платы надо представить справку. Освобождаются лишь дети убитых офицеров. Только офицеров. Дети убитых солдат и сержантов не освобождаются от платы. Я ахнула. Мне потом объяснили, что это делается для того, чтобы пролетарские дети дальше 7-го класса не шли и не заполняли вузы.

Ездила 14-го в Детское, на кладбище. Старый клен над могилами, раненный осколком, свалился в бурю, но, к счастью, не коснулся Аленушкиного креста.

По дороге все те же мучительные колхозные разговоры. За 10, больше, за 12 лет никто ничему не выучился. Жительница Ярославской области рассказывала, как их замучили льном,

⁸¹ То есть право на отоваривание карточек на сумму в 3000 рублей.

⁸² По пьесе А.Н. Островского (1876).

⁸³ Платное обучение в школах было отменено Декретом ВЦИК от 30 сентября 1918 г. 3 октября 1940 г. Постановлением Совнаркома «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначения стипендий» вводилась плата за обучение в 8 – 10 классах школ, в технических, педагогических и прочих училищах. За школьников надо было платить 200 руб. в год. (Постановление отменено 1 сентября 1956 г.)

как и озимые и яровые хлеба осыпаются, пока они сдают лен, все то же, что было и в 1934 году, когда мы с Васей жили в Суноге. Женщина ехала в Новолисино⁸⁴.

Другая заметила: «Ну, в Новолисино только по несчастному случаю ездят». Оказывается, и там концлагерь. Женщина ехала туда именно «по несчастному случаю», разыскивать своего брата.

Это постоянная, незаживающая, мучительная рана.

Мы живем, простите, не в тюрьме, как я иногда говорила, мы живем на бойне. В стране морлоков. Сколько исчезнувших людей! Тонут, и вода вновь затягивается зеленой ряской.

27 декабря. Была в Малом зале консерватории на концерте молодых композиторов. Чудесное впечатление осталось. Квартет Свиридова⁸⁵, превосходные баллады и романсы Кочурова⁸⁶ (прекрасно пел Шапошников), глубокие и тонкие 5 прелюдий совсем молодого Маклакова, которые чудесно играла Юдина. Я недавно была на концерте Оборина⁸⁷, как-то раньше слушала Софроницкого: я всем предпочитаю М.В. У нее каждая нота думает.

---

⁸⁴ Деревня в Тосненском районе, в 45 км от Ленинграда.

⁸⁵ Сочинен в 1946 г.

⁸⁶ По-видимому, сочиненные в 1946 г. романсы на стихи Пушкина и Лермонтова и баллада для баритона с фортепиано на слова Лермонтова «Сон».

⁸⁷ Фортепианный вечер Оборина состоялся в Большом зале филармонии 23 декабря.

1947

2 января. Господи, дай мне увидеть рассвет, дай мне увидеть братьев, дай силы и здоровье дотянуть до зари. Помоги мне, Господи, верую, верую, что сможешь. Спаси Васю, детей, Сонечку. Боже мой, помоги.

4 января. Чего-то мне стало себя очень жалко. Я собственноручно навивала свой воз до таких огромных размеров, что теперь, как старая кляча, ноги протягиваю – не свезти.

Что же все-таки мне надо успеть сделать до того момента, как будет сказано: пора?

Хотелось бы написать воспоминания. Детство, Ларино. Юность – институт. И дальше. Привести в порядок письма, архив. Ведь если я этого не сделаю, все будет сожжено Наташей. Ведь такого культа к чужим вещам, как у меня, к запискам, письмам, нет ни у кого. Не знаю, какова будет Сонечка, но я не успею ее воспитать.

А долги? Те 3000 франков Mme Marius Michel, которые выросли теперь до бесконечности?

7 января. Рождество. К церкви не подступиться, толпа.

Советский быт: девочки, встав в шесть утра, отправились с подругой в очередь за крупой, на угол Садовой и Гороховой. По слухам, в этом коммерческом магазине всегда бывает крупа и дают ее по полкило. Очередь стояла до церкви на Сенной⁸⁸, а перед магазином колыхалась огромная и тесная толпа из здоровенных мужиков и баб. Заняв очередь, они втерлись в толпу и с ней вместе попали в магазин. Но тут уже стоял смертный бой. Несколько милиционеров охраняло кассы. Они хватили граждан за шиворот или поперек живота и отбрасывали грубейшим образом в сторону. Добиться кассы было невозможно. Несолоно хлебавши они вернулись домой, завалились спать и проспали до трех. Когда они вышли, то убедились, что их очередь не сдвинулась с места. Осенью они два раза попытались становиться на ярмарке в очередь за отрубями в *два часа* ночи, – но безрезультатно.

Они получают обед в школе за 100 рублей и 400 гр. хлеба. Голодны ужасно. Как тут быть? Денег очень мало. Картошка стоит 10 рублей кило.

А девочкам не хватает инициативы найти возможность подработать. Я, конечно, их избаловала, они и привыкли жить на всем готовом, не считаясь, чего это мне стоило. Мать очень о них заботится, но, конечно, умнее меня. Она и платье себе сшила за эту зиму, и шубу. А я теперь стараюсь днем не выходить в своем ободранном кроте и стоптанных валенках. Вася меня всегда упрекал в том, что я мало о нем заботилась, о своих же детях и Вася и Наташа не проявляют ни малейшей заботы. За декабрь (25 декабря) я получила 700 рублей всего, – это только на молоко. (А перед этим 23 ноября 700 рублей.) А я истратила около 4000. Я сегодня послала Васе телеграмму: «Возьмите детей нечем кормить». Авось это их припугнет, – я ни в каком случае не хочу им отдавать детей на погибель. Эти дети – луч «на мой закат печальный»⁸⁹.

Как мучительно всегда быть голодной. Который уже год! С конца 40-го года. Надоело.

9 января. Была Елена Ивановна после перерыва в три месяца, с моих именин. Объясняет это перегруженностью занятиями; это правда. Много часов в университете и еще несколько групп в разных исследовательских институтах, кроме того, сдача кандидатского минимума. Но мне иногда кажется, что, быть может, ей все-таки поручено за мной приглядывать, ей этого не хочется делать, и она не ходит вовсе. Рассказала она мне очень характерные для нашего времени факты.

⁸⁸ Церковь Успения Пресвятой Богородицы (Спаса на Сенной) вблизи Садовой ул, д. 40. Закрыта в 1938 г. В январе 1961 г. снесена. От угла улиц Дзержинского (Гороховой) и Садовой находилась примерно в 150 метрах.

⁸⁹ Из «Элегии» (1830) Пушкина.

Университет в Монпелье, старейший в Европе⁹⁰, избрал Шишмарева почетным членом, произошло это в мае 46-го года. Ему об этом сообщили лишь в ноябре, после того, как он был избран в академики. В газетах было сообщено, что эту грамоту передал Шишмареву представитель ВОКСа. На самом же деле это произошло в Москве, на концерте, посвященном памяти Сен-Санса, на котором присутствовал французский посол со свитой и представители нашего Министерства иностранных дел. В одном из фойе Катру передал Шишмареву [грамоту] при всем дипломатическом корпусе и сказал, что в Монпелье надеялись видеть его в своих стенах. Не обращая внимания на переводчика, предлагавшего свои услуги, Шишмарев произнес ответную речь по-французски.

Наши правители боятся малейшей популярности в любой сфере, и этот случай хорошо иллюстрирует их подлость. Во время болезни Шишмарева румынский посол привез ему в больницу какие-то литературные материалы и очень звал приехать отдохнуть в Румынию. Конечно, не разрешили, так же как и Юрию ехать в Норвегию, куда его приглашали с женой.

Как все это позорно и ужасно постыдно.

Я помню Шишмарева совсем молодым. Он преподавал у нас в Екатерининском институте на педагогических курсах. До этого был Ф.А. Браун, который и рекомендовал Владимира Федоровича.

«La science lui tinte aux oreilles»⁹¹, – сказала нам Маман, Мме Бюнтинг. Он был еще совсем юный, это было в 1898 и <18>99 году. У него были каштановые волосы и синие, фиалковые глаза.

Под впечатлением этого разговора я написала Шишмареву поздравление с избранием его в академики и с «мировым успехом». Пишу: «Вы меня не можете помнить, но я и мои товарки, слушательницы педагогических курсов Екатерининского института, мы сохранили на всю жизнь светлое воспоминание о Ваших лекциях». Письмо передала Елена Ивановна; к моему удивлению, Шишмарев сказал, что прекрасно меня помнит как Любочку Яковлеву, что наш курс был очень сильный, много способнее последующих, помнит, как был у меня на приеме вместе с Ф.И. Масловым. (Его жена, Усова, была, мне кажется, в родстве с Масловыми, и мы в детстве даже играли с ней у них.) Мне было очень приятно это узнать, тронула его память обо мне.

20 января. В сумерки на углу Шпалерной и Литейного встретила А. Ахматову, окликнула ее, пошли вместе. Я ей сказала, что была у нее под впечатлением выступления Фадеева в Праге. Все, что было до этого, не могло меня удивить, т. к. ничего, кроме гнусностей, я и не ждала, но писатель, русский интеллигент, – это возмутило меня до глубины души. «А мне его только очень жаль, – ответила А.А. – Ведь он был послан нарочно для этого, ему было приказано так выступить, разъяснить. Я знаю, что он любит мои стихи, и вот исполняет приказание. Я ни на кого ничуть не обижаюсь, я это искренно говорю; ничего от этого всего не случится, стихи мои не станут хуже. Ведь вскоре после появления моей книги “Из шести книг” она была запрещена, был устроен скандал редактору, издательству⁹². Приезжал Фадеев, было бурное заседание в Союзе писателей, и Фадеев страшно ругал мою книгу. Я не присутствовала на этом заседании. Но была вскоре на каком-то вечере там же. Фадеев, увидев меня, соскочил с эстрады, целовал руки, объяснялся в любви⁹³. А сколько травмили; когда в 29-м году нача-

⁹⁰ Город на юге Франции; местный университет основан в 1289 г.

⁹¹ Наука звенит у него в ушах (*фр.*).

⁹² Тогда не затрагивали А.А. как человека и даже как поэта, и такое отношение она приписывает влиянию А.Н. Толстого, который любил ее стихи.

⁹³ Между маем 1940 г. (временем выхода из печати сборника Ахматовой «Из шести книг») и 19 октября на заседании секции литературы Комитета по Сталинским премиям Фадеев поддержал предложение А.Н. Толстого и Асеева о присуждении Ахматовой Сталинской премии (см.: *Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х годов под контролем ЦК. М., 1994. С. 47). Отметим также, что за год до того, 11 ноября 1939 г., Президиум Союза писателей по представлению Фадеева положительно решил вопрос о ходатайствах перед Президиумом Ленгорсовета о предоставлении Ахматовой отдель-

лась травля Евгения Ивановича Замятина⁹⁴, я вышла демонстративно из Союза, вернулась туда только в 40-м году»⁹⁵.

А.А. взяла меня под руку, другой рукой опиралась на палку. «Травили Шостаковича, но, конечно, никого так сильно, как меня. Уж такая я скандальная женщина».

Мужчины, по ее словам, хуже, сильнее реагируют на подобную травлю. Замятин переживал очень тяжело тот период. Вспомнили Добычина, который кончил самоубийством. Он был молод и не уверен в себе. Эйхенбаум, единственный из писателей, отказался выступить против нее, сказав, что он старый человек и никто ему не поверит, если он начнет бранить Ахматову, которую всегда любил. Его отовсюду сняли. Жена его очень волновалась за него, боялась и умерла⁹⁶.

Книги А.А. были изъяты из продажи, было запрещено их и продавать, и покупать⁹⁷. Но на днях разрешили продажу, это сказал А.А. Рахлин. Я спросила о Зоценке⁹⁸ – он пишет повесть⁹⁹.

15 января я была на студенческом закрытом концерте в Малом зале консерватории, посвященном творчеству Баха. Я давно не испытывала такого наслаждения. Пели соло с аккомпанементом рояля или рояля и фагота, соло с двумя флейтами под аккомпанемент органа или органа и квартета. Молодые и прекрасные голоса. Запомнились: «Долина слез»¹⁰⁰, «Старая трубка»¹⁰¹, которую замечательно музыкально спел Гришанов; «Mensch, erette deine Seele»¹⁰² пела Н.Н. Никифорова-Скрябина, сестра нашего Николая Николаевича Никифорова, такого талантливого художника, погибшего на фронте. Очень я люблю Баха, во всей его музыке звучат эти слова: «Mensch, erette deine Seele»¹⁰³.

Концерт был организован Т.С. Салтыковой, и все профессорши наперебой благодарили ее.

В прошлое воскресенье зашла к Смирновым. Ольга Георгиевна давно меня звала посмотреть ее летние этюды. Заговорили о Пунине, которого удалили и из университета, где его лек-

---

ной квартиры и перед Ленинградским правлением Литературного фонда о приобретении обстановки для нее; ходатайстве перед Совнаркомом об установлении Ахматовой персональной пенсии и т. п. Фадеев в дальнейшем предпринимал различные шаги, чтобы это решение осуществилось (Там же. С. 47 – 48).

⁹⁴ Публикация романа-антиутопии Замятина «Мы», вследствие невозможности публикации на русском языке, в переводах на английский (1924), чешский (1927) и французский (1929) вызвала резкую критику в советской печати. С 1929 г. Замятина перестают публиковать. После письменного обращения к Сталину и при посредничестве Горького в октябре 1931 г. Замятин эмигрировал.

⁹⁵ 5 января 1940 г.

⁹⁶ См. об этом в воспоминаниях дочери Эйхенбаумов О.Б. Эйхенбаум: «Мама умоляла папу не ходить на то страшное собрание: “Скажи, что ты болен. Ты достаточно пожилой человек, чтобы не пойти туда”. Но папа сказал: “Я не имею права не пойти на эту казнь. Все идут, а я буду сидеть дома?” <...> И он выступил, назвал Анну Андреевну Ахматову полным именем, а не какими-то подлыми словами. Так же сказал и о Зоценко. Показав на свои седины, сказал, что не может говорить иначе и что он понимает: это – политическое дело. <...> У мамы было плохое сердце, и она не выдержала, умерла» (цит. по: *Эйхенбаум Б.М. «Мой временник»: Художественная проза и избранные статьи 20 – 30-х годов.* СПб., 2001. С. 636 – 637). Через некоторое время, 25 сентября 1946 г., на ученом совете Института русской литературы, членом которого Эйхенбаум продолжал оставаться по 12 мая 1949 г., он назвал свое выступление в Союзе писателей (о котором говорит Ахматова) «политической ошибкой».

⁹⁷ Постановлением Главлита от 27 августа 1946 г. было указано приостановить продажу книг Ахматовой (и прием их букинистами) и работу над двумя готовившимися к изданию книгами: «Стихотворения 1909 – 1945» и «Избранные стихи, 1910 – 1946».

⁹⁸ Тем же постановлением Главлита были изъяты из книготорговой сети, а в библиотеках переданы в спецхраны только что вышедшие книги Зоценко: Избранные произведения: 1923 – 1945. Л., 1946; Рассказы. М., 1946; Фельетоны, рассказы, повести. Л., 1946.

⁹⁹ Вероятно, речь идет о книге «Никогда не забудете», частично опубликованной под заглавием «Никогда не забудем» (Новый мир. 1947. № 9).

¹⁰⁰ Ария «В долине слез, как тень блуждая» (1724).

¹⁰¹ «Из нотной тетради А.М. Бах» (1725). Русский текст Я. Родионова.

¹⁰² Соч. в 1724 г.

¹⁰³ «Человек, помни о своей душе» (нем.).

ции пользовались огромным успехом. Я рассказала, что, перебирая бумаги, нашла газету 1919 года (19 января) «Искусство коммуны», в которой была статья Пунина «Разорванное сознание», а подзаголовок газеты гласил: «Нет красоты без борьбы, нет шедевров без насилия». – «Да? – заметил Александр Александрович, – значит, *tu l'as voulu, Georges Dandin*»¹⁰⁴.

Статья кончается словами: «... мерилом подлинно революционного искусства остается до сих пор “разорванное сознание”» (курсивом).

А раньше... революция, новое – бессознательно... революция, новое – гибнут от сознания.

Никогда не любила снобов.

21 января. Пунина из университета не сняли.

2 февраля. Мара рассказывает, что почти вся молодежь в школе, в институтах настроена крайне антисоветски, возмущаются, не стесняясь, и собираются на выборах зачеркивать всех кандидатов. Родственник Иры, студент, ездил на днях в Днепродзержинск (что это за город?¹⁰⁵), там люди ходят с кистенями, подбрасывают детей, не имея возможности их кормить, подожгли райсовет и какое-то еще партийное учреждение.

На Кубани народ пухнет от голода¹⁰⁶. Оттуда вернулась мать подруги девочек.

Я нашла свои дневники времен Японской войны¹⁰⁷. Там я тоже ропщу на рабство! Да, мы, конечно, лягушки, просящие царя. В полном смысле этой басни. Наглядный урок несколько затянулся, тем прочней будет его действие.

Прочла с большим интересом небольшую брошюру, изданную Вольной философской ассоциацией в 1922 году, речи Андрея Белого, Иванова-Разумника и А.З. Штейнберга, посвященные памяти только что умершего Блока¹⁰⁸. По мнению Р.В., Блок умер от «тоски беззвездной»¹⁰⁹. Идея духовного максимализма, катастрофизма, динамизма была для Блока тождественна со стихийностью мирового процесса; «Вот почему так болезненно сжался Блок, когда знаменитый “Брест” стал ответом на его “Скифов”, когда в середине 1918 года уже ясно определились дальнейшие пути русской революции. Блок сжался и потемнел; горение кончилось, пепел оставался; медленно приступала к сердцу “беззвездная тоска”»¹¹⁰.

А где-то сам Разумник Васильевич, один из миллионов мучеников? Жив ли?¹¹¹

Недавно в газетах было извещение о расстрелах Шкуро, ген. Краснова и других. Я не стала читать, швырнула газету. Убивать людей через 30 лет после совершения преступления, *si crime il y a*¹¹², и с какой легкостью! Сердце захолонуло. Как они сюда попали? Неужели подлые французы их выдали? Какой позор!

13 февраля. Ляля Мелик ездила к мужу в Полтаву. И там по вечерам нельзя выходить. Грабежи, бандитизм.

---

¹⁰⁴ ты этого хотел, Жорж Данден (*фр.*). Из пьесы Мольера «Жорж Данден, или Одураченный муж» (1668), где герой из крестьян, вступивший в неравный брак и постоянно испытывающий уколы самолюбия, говорит себе: «Ты этого хотел, Жорж Данден, ты это и получил!»

¹⁰⁵ До 1936 г. Каменское, украинский город и порт на Днепре.

¹⁰⁶ Ср.: «Метод был такой: хлеб за границу продавали, а в некоторых районах люди из-за отсутствия хлеба пухли с голоду и даже умирали. Да, товарищи, это факт, что в 1947 году в ряде областей страны, например, в Курской, люди умирали с голоду. А хлеб тогда продавали!» (*Хрущев Н.С.* Доклад на Пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1963 г. // Правда. 1963. 10 дек.).

¹⁰⁷ Эти дневники в архивных фондах Шапориной не обнаружены.

¹⁰⁸ См.: Памяти Александра Блока. Пб., 1922.

¹⁰⁹ Из стихотворения Блока «Всё это было, было...» (1909).

¹¹⁰ Это была публикация речи Иванова-Разумника «Памяти Александра Блока», произнесенной на 83-м заседании Вольной философской ассоциации 28 августа 1921 г.

¹¹¹ Иванов-Разумник умер в 1946 г.

¹¹² если преступление и было совершено (*фр.*).

Приехал Юрий 11-го на исполнение своей оратории¹¹³. Перед концертом я зашла к нему в «Европейскую» с девочками за билетами. Пришел и Кочуров. Юрий любит аудиторию и хорошо рассказывает. Он беседовал с Храпченко:

– Скажите, Михаил Борисович, могу я с вами говорить парадоксами?

– Пожалуйста.

– Могли бы вы объясниться в любви под гармонию?

– Думаю, что нет.

– Советская поэзия требует гармонию. А я не умею писать для гармонии. Поэтому уж разрешите мне не тревожить советскую лирику.

В прошлом году (кажется) на Кавказе должны были состояться музыкальные декады азербайджанцев, грузин и армян. Юрий был в Тифлисе. Ссорились, кричали друг на друга, чтобы установить очередь. Один грузин ходил по комнате и кричал (с сильным акцентом): «Дружба народов! Фикция. Дружба народов! Фикция!»

12-го Юрий был у меня, привез детям сахару и печенья, опять много рассказывал, между прочим, очень остроумную отповедь, которой он ответил на речь Кабалевского о том, что Шостакович слишком под влиянием Запада, а Шапорин недостаточный новатор¹¹⁴.

Юрий равнодушно не может говорить о Наташе и глубоко возмущен тем, что она не пускает Васю жить у него.

Он приезжал на исполнение оратории и для занятий с Вс. Рождественским. Он вновь принялся за «Декабристов», и Рождественский закончил ему либретто. Еще летом он говорил, что ему необходимо закончить оперу, это единственное наследство, которое он может оставить детям.

8 марта. Последние обывательские анекдоты: недавно, перед выборами, умер один из наших министров и, к своему удивлению, попал в рай. Ему там показалось скучно и захотелось посмотреть, каково-то в аду. Кто-то подвернулся и в окно показал ад: роскошно накрытый стол, цветы, вино и вокруг прекрасные и шикарные женщины. Очень ему понравилось там, и запросился он в ад.

– Смотрите, оттуда уже нет возврата, – ничего не слушает, просится в ад. Пошел в небесный местком, получил путевку в ад. Только это он переступил порог, набросились на него черти и начали рвать.

– Чего вы на меня навалились, я вовсе не к вам, я вон к тому столу...

– К столу? Ха-ха, да это же агитпункт!

И другой:

– Как вы поживаете? – Отлично.

– Получили комнату? – Нет.

– Есть у вас работа? – Тоже нет.

– Ну а карточка? – Какая же карточка, если я безработный?

– Радио слушаете? – Конечно; откуда же бы я знал, что мне живется отлично!

11 марта. У меня рабочая карточка (по Союзу писателей), по ней я получаю 600 гр. хлеба, половину отдаю Шуре и голодаю опять самым настоящим образом. Сегодня 11-е. 28 февраля я послала телеграмму Юрию, прося передать Васе, чтобы немедленно выслал деньги.

¹¹³ Речь идет про ораторию «Сказание о битве за русскую землю».

¹¹⁴ 2 – 8 октября 1946 г. состоялся расширенный пленум Оргкомитета Союза советских композиторов, посвященный последним постановлениям ЦК ВКП(б). Кабалевский посвятил значительную часть своего выступления творчеству Шостаковича и Шапорина. С оговорками о «непреодоленных западных влияниях» Кабалевский сделал акцент на том, что «Шостакович – явление чрезвычайно сложное и сводить его к чему-то простому нельзя. Это всегда будет искажением действительности». Шапорина Кабалевский критиковал за чрезмерную «приверженность к поэзии прошлого, в частности, к Блоку <...>» (Советская музыка. 1946. № 10. С. 54, 56).

Кроме длинной телеграммы, я ни от родителей, ни от деда моих бедных внучат ничего не получила.

Почти каждый день Мара ходит продавать мои книги, мне самой неловко, в Лавке писателей меня слишком хорошо все знают.

Это мучительно. А со стороны Васи и Наташи просто бесчеловечно по отношению к детям. Я измучена и истощена. Как быть дальше? Работы мне не найти, переводов нет.

На этих днях М.М. <Сорокина> зазвала меня к себе заняться спиритизмом. Она только этим и живет, т. к. духи ее успокаивают насчет сына, держат ее в курсе его передвижений, и если все осуществится, то это будет целое откровение.

Блюдечко бегало, я еле до него прикасалась. Путного ничего не выходило, на ее вопросы ответа не было. Я спросила, жив ли мой брат. Последовал ответ: «Вася Яковлев (брат) à Paris». – «Кто с нами говорит?» – и вот тут получилось самое странное: блюдечко поехало, и вышло: «Доша Квашнин!» Я об нем давным-давно не вспоминала, Мария Михайловна о существовании Евдокима Николаевича Квашнина-Самарина не знала совсем. «Когда я увижу брата?» – «Май 1947». Последнее, конечно, явно несбыточно. Как это объяснить? Что же мне делать дальше?

Была на днях в филармонии. Исполняли 3-ю симфонию Гавриила Попова. Вещь большая, крепкая. Четвертая часть очень хороша, но, по-моему, холодно это, меня не захватило. А м.б., я просто утомлена и настолько голодна, что уже не соображаю, и одни струнные немного однообразны. Кочуров восхищался новаторством Попова. В артистической, куда мы пошли с Натальей Васильевной, был Юрьев. Ему 76-й год, был удар в прошлом году, а вид великолепный. Рассказал мне, что пишет 3-й том воспоминаний¹¹⁵, Институт театра и музыки заказал ему книгу «Школа русского актерства»¹¹⁶, а на днях его просили прочесть в ВТО доклад на тему: «Истоки советского театра».

Люблю видеть людей, торжествующих над временем. К ним относится и Анна Петровна. – Clémence¹¹⁷.

Юрьев сохраняет свое *brío*¹¹⁸. Прекрасно одет, чудесный бриллиантовый перстень на пальце.

1 марта в Союзе писателей был вечер одного стихотворения. А перед этим кое-кто говорил в ответ на доклад Друзина о советской поэзии. Между прочим, Раиса Мессер (партийная) сказала такую фразу: «Наши поэты что-то слишком успокоились за последние месяцы и ничего не пишут».

Я думаю после августовского постановления ЦК вряд ли захочется писать стихи.

Кстати, Юрий рассказывал, что это постановление вызвало страшный скандал за границей. Будто бы Пристли написал, что театры в СССР хорошие, но смех он слышал только на «Мертвых душах» в МХАТе и на пьесах Зощенко в Ленинграде¹¹⁹.

Эти пьесы хорошо рисуют советский быт. Они идут в Лондоне и пользуются успехом. Наши пытались хлопотать, чтобы их сняли, но это им не удалось.

13 марта. Сегодня на четверге у Анны Петровны Александра Васильевна Щекатикина рассказала, что ее родственница Митусова, которая в свойстве с Рерихом, получила от него (или его секретарши) письмо, в котором он извещает, что приедет с семьей в Россию в 1947 году.

¹¹⁵ 1-й том «Записок» Юрьева вышел в 1939 г., 2-й – в 1945 г.; 3-й том не издавался.

¹¹⁶ В 1946 и 1947 гг. двумя изданиями была выпущена книга Юрьева «Беседы актера»; названная книга не издавалась.

¹¹⁷ Великодушие (*фр.*).

¹¹⁸ блеск (*фр.*).

¹¹⁹ В 1945 г. Пристли посетил Ленинград. Из пьес Зощенко в театрах Ленинграда тогда шли «Парусиновый портфель» (1944) и «Очень приятно» (1944).

Cela donne à penser¹²⁰.

20 марта. У меня ощущение, что я тону. И нет даже соломинки, чтобы ухватиться. Денег из Москвы не шлют, я продала за март книг на 900 рублей. Иностранную литературу не принимают, археологию тоже, с нумизматическими книгами я как-то обошла все магазины Невского и Литейной, побывала в университете на историческом факультете, не нужно никому. Как многое вообще стало никому не нужно, начиная с туалетной бумаги.

Я растерялась. Где искать работы? Я не умею искать работы, прежде работа всегда сама меня искала, но сейчас, при усилении партийного нажима, куда пойдешь? То ли стара я стала, то ли устала физически за жизнь, за блокаду, но я нахожусь в каком-то оцепенении. И надо правду сказать, из всех моих знакомых у меня была самая трудная, физически тяжелая жизнь. У меня как будто сухожилия подрезаны. А тут голод, и дети на руках. И я чувствую, что от Васи и Наташи помощи не будет и в дальнейшем.

Ведь я могла бы хлопотать о пенсии – не хочу, не могу, это свыше сил моих. У меня такое безмерное презрение к нашим *gouvernants*¹²¹, что даже и шерсти клочок вырывать не хочется. Ноет сердце по кукольному театру, по марионеткам, нашему коллективу, но разве сейчас, при настоящих зверских условиях, можно об этом мечтать?

!! Сейчас позвонила мне Люся Говорова, предлагает работу, роспись пластмассовых вещей, я, конечно, согласилась, только выйдет ли из этого что-нибудь?

Алеша Бонч-Бруевич приехал из Москвы, звонил мне. Он трогательно относится к Васе и всегда обстоятельно мне о нем рассказывает. Вася плохо себя чувствует, очень похудел, страшно потеет по ночам. На днях премьера «Кошкиного дома»¹²², и он очень бы хотел, чтобы я приехала. Этот спектакль ему зачтется как дипломная работа.

Денег нет. В студии вывесили объявление или приказ о недопущении студента Шапорина к занятиям за неуплату за обучение. Вася обратился к отцу – тот ответил, что денег у него нет, но он поговорит!

Денег, денег, денег, денег! Скольким людям я бы помогла, если бы у меня были деньги. Конечно, Васе и его детям, девочкам, Наде Дейша. Я бы устроила хорошее общежитие для осиротевших девочек, первыми поместила бы туда моих учениц из второй группы ремесленного училища. Чудесные девочки Попова, Гусева и др.

Как я молю Бога о помощи.

23 марта. Никита звонил Наташе Лозинской, что, кажется, устроил в издательстве для меня перевод – биография *Mme Curie*¹²³. Если все это сбудется, значит, Бог меня услышал. Как я молилась! И как я благодарна. Я была у Говоровой, видела их роспись пластмассы, сделано с большим вкусом. Мы с Люсей пошли искать тоненькие акварельные кисти. Обошли магазины на Невском, были в коммерческих магазинах ДЛТ и Пассаже, и только в Пассаже я нашла скверную и недостаточно тонкую кисточку за 6 рублей!

Какой нездоровый вид у народа!

24 марта. Мне кажется, что за мое молчание о его многоженстве Юрий должен был бы платить большие деньги. Какая обида, что я не шантажистка.

Сегодня в смысле питания у нас на весь день было полкило картошки и один стакан крупы пшеничной. Дети, получив более чем тощий ужин, завопили, что хотят есть. Бедные крошки. Придется прибегнуть к шантажу. Полтора месяца уже, как я не получила из Москвы ни копейки. И это родители! И дед.

---

¹²⁰ Это наводит на размышления (*фр.*).

¹²¹ правителям (*фр.*).

¹²² Дипломная работа в школе-студии МХАТа, поставленная по пьесе Маршака в Центральном детском театре в Москве.

¹²³ Этот проект не осуществился.

30 марта. Новое «торможение». Вся суть в том, чтобы обыватель не успокаивался. По городу идет инвентаризация жилплощади из расчета 6 кв. метров на человека. 6 метров – это 3×2, стойло свиньи.

Иван Михеевич вызвал меня в контору, чтобы сообщить об этом, и мы с ним и Натальей Александровной ломали голову, как тут быть. В квартире 83 метра, нас семь человек с Ольгой Андрияной. Шестью семь – 42. Следовательно, нас могут всех всадить в 2 комнаты, тем более что нет мужчин.

У меня комната в 26 метров! Какая наглость!

Одним словом, две комнаты можно взять и вселить туда воров и пьяниц, как у несчастной Щекатихиной.

Решили, что надо взывать о помощи к Юрию Александровичу и просить написать Вербицкому. Что я и сделала.

Насколько легче довести жилищную норму до трех метров, чем строить дома. Удобства обывателя – *nonsens*. Чем меньше, тем он забитее. Начиная с декабристов, все революционеры с жиру бесились, народовольцы и остальные на чужие деньги жили. Они, т. е. гувернанты, очень хорошо все понимают. За один сезон: постановление ЦК партии, увеличение цен, изъятие жилплощади, усиленное внедрение партийного обучения¹²⁴. От таких «сшибок» (по Павлову) какой мозг устоит.

А в это время кругом... Наталья Васильевна познакомилась в ТЮЗе с партийной деятельницей, уже немолодой, которая ведаёт детьми нашего района. Дети мрут от голода, все детские больницы переполнены. На Митрофаньевском кладбище¹²⁵ нашли трехлетнюю девочку, привязанную к кресту. Передали милиции. Девочка была в полузамерзшем состоянии. Ее отогрели, откормили, она заговорила. Ее спросили, кто ее привязал: «Мамáнька и папáнька», – был ответ.

Громко об этом говорить нельзя; велели обратиться к «частной благотворительности»!!

31 марта. Сегодня часов в 11 утра совсем неожиданно приехала ко мне Анна Петровна, детей посмотреть. Расспрашивала, нет ли просветления в моей судьбе. «А я вам привезла небольшое просветление. *Je vous ai apporté mille roubles*»¹²⁶ (тут были дети). Я так и ахнула, запротестовала: «Нет, нет, я буду счастлива, что вы хоть неделю проживете без забот». Целый день я ходила потрясенная. Удивительный она человек. Сколько ума, мудрости, простоты, доброты.

Как художника, я нахожу, что ее недостаточно знают и ценят. Я недавно просматривала ее папку с итальянскими рисунками и акварелями. До этого видела ее альбомы путевых набросков по Норвегии. Я ни у кого из наших художников не знаю таких рисунков, такой силы, живописности, такого умения передать очень скупыми средствами величие горных панорам. Рука у нее неженская.

Может быть, рисунки Серова стоят на одном уровне, да и то не знаю.

8 апреля. Я мучительно голодаю. Мое питание за день: утром чай и 250 гр. хлеба черного, в 6 часов обед: суп – вода с крупой и картошкой (без масла – масло только детям) и на второе или тушеные овощи (*au naturel*)¹²⁷ опять-таки), или немного поджаренной картошки на маргарине. Сто граммов хлеба я съедаю за день, к обеду остается 50 гр. И больше ничего. Опять,

¹²⁴ Кампания по всеобщему коммунистическому просвещению населения началась в марте 1947 г. «Марксистско-ленинское образование поможет всем партийным работникам стать подлинными политическими руководителями» (Партийный работник – политический руководитель // Правда. 1947. 23 марта); «Перед партийными организациями во весь рост встала задача решительного усиления идеологической работы, коммунистического воспитания трудящихся» (Марксистско-ленинское воспитание народа // Правда. 1947. 26 марта).

¹²⁵ Возникло в 1831 г. на 2-й дороге (с 1859 г. Большая Митрофаньевская дорога, с 1964 г. Митрофаньевское шоссе) как холерное. В 1927 г. закрыто, некрополь разгромлен.

¹²⁶ Я вам привезла тысячу рублей (*фр.*).

¹²⁷ без приправы (*фр.*).

как в блокаду, делается положительно плохо, когда видишь на улице едящих бутерброды или даже хлеб. Мучительно и унижительно.

12 апреля. Пришла Катя Пашникова; в Ленинград приехала девушка из ее деревни и ищет место домработницы. В деревне голод. У них еще ничего, они получили по 800 гр. на трудодень, но в соседнем сельсовете, за пять километров от них, крестьяне ничего не получили. «Умер один мужчина от истощения, никто не берется его хоронить, истощены гораздо. Проходит неделя, девять дней, никто не хоронит. Тогда закололи колхозного барана и дали тем людям, они могилу выкопали, похоронили, съели барана. Потом умирает еще один мужчина, за ним другой, все от истощения. Опять никто не хоронит. Теперь должен умереть третий, так ждут его смерти, чтобы для всех троих опять заколоть барана и похоронить их в одной могиле». Как было бы просто – заколоть всех баранов и кормить голодающих людей.

Катя – это живой эпос.

Юрий послал телеграмму Вербицкому (копию мне). Тотчас же мне позвонили, чтобы на следующий день (10-го) я пришла. В Смольном «спускают» пропуск в бюро пропусков. Затем этот пропуск и паспорт просматривают дважды: при входе на священную территорию и при входе на тот коридор, куда вы идете.

Жду Вербицкого. Над секретаршей висят графики поступающих в город дров. Смольный – это партия; Мариинский дворец – правительство¹²⁸. Нами управляет чиновничество в квадрате. Горком партии, райкомы, обкомы, Ленсовет, горсоветы, райсоветы – имя им легион, именно тот легион, который переселился в свиней (ап. Марк, 5 гл.). Дождаться бы только того момента, когда они ринутся в море.

Вербицкий – разжиревший, как они все, человек. Начал довольно нелюбезно, что квартирные вопросы не входят в его компетенцию. Но все же вызвал к телефону юриста по жилищным делам и выяснил, что для длительно живущих в квартире норма остается в 9 метров, а для вновь вселяемых 6 метров. Посоветовал сделать внутреннюю перепланировку, т. е. считать большую площадь за большим количеством людей, «а если вас будут теснить, позвоните мне».

Который уж раз за эти 30 лет приходится отстаивать свой угол!

9 мая. День Победы. На ДOME Красной армии (теперь он называется Дом офицеров!) вдоль Литейной повешены с 1 мая портреты всех генералов с генералиссимусом посередине, все, кроме главного героя, взявшего Берлин, все, кроме Жукова. Он в опале. Я не могу смотреть на эту подлость. И я не знаю человека, которого бы более единодушно ненавидели все, чем Сталина.

Обывательские анекдоты. Два еврея сидят на концерте Ойстраха. Мойша плачет и говорит соседу: «Смотри, Абраша, один еврейский мальчик играет, а пятьсот человек плачут». – «И чего тут плакать, Мойша. Я знаю одного грузинского мальчика, который-таки не играет, а сто восемьдесят миллионов плачут».

Сошлось несколько человек, разговорились. «Ну, как живете? Я живу, как моль. Два пальто проел, за женино платье принялся». – «А я, как сыр: весь в дырочках и слезах». – «А я, как шина, все время верчусь, и каждый день надувают». – «Моя жизнь это маршрут трамвая № 4. С острова Голодая¹²⁹, мимо магазина Елисеева¹³⁰, на Волково кладбище». – «А я живу, как Ленин: в землю не закапывают и жрать не дают».

Вот уж можно сказать с Гоголем: над кем смеетесь?..

А жизнь чудовищна. Наталья Васильевна рассказывала... Муж убит на фронте. Женщина заводит любовника, который согласен жениться, если она изведет дочку. Мать избивает

¹²⁸ Мариинский дворец был построен в 1839 – 1844 гг. для вел. княжны Марии Николаевны. В 1906 – 1907 гг. там проходили заседания Государственного совета; после 1945 г. помещался Ленгорсовет (Исаакиевская пл., д. 6).

¹²⁹ В западной части Ленинграда; после 1926 г. остров Декабристов.

¹³⁰ Один из крупнейших ленинградских продуктовых магазинов на Невском пр., д. 56/8.

ребенка (шестилетнюю), бьет кирпичом по голове. Соседи доносят, и ребенка увозят в больницу. Девочку расспрашивают, почему она вся в синяках. Она отрицает вину матери. Следователь приходит в больницу и ласковыми разговорами доводит девочку до признания. Она плачет и говорит: «Бедная мамочка, как могла она это делать».

Такие случаи были и прежде, Достоевский писал о каком-то процессе в этом роде¹³¹. Теперь об этом не пишут – у нас нет преступников, у нас все благополучно. А такие факты стали обыденными. Нищета доводит до разбоя, до людоедства, до преступления.

Я стояла в очереди в магазине. Передо мной две женщины, работницы, еще молодые, лет по 30. Одна была с семилетним сыном. Мальчик худенький, иссиня-бледный. Они рассказали, что сейчас по всем заводам снижены расценки, где на 50 %, где на 60, на 70, смотря по «операциям», выразилась одна из них. А цены повышаются.

И Сталин имеет наглость говорить Стассену: «Неправда ли, в Европе сейчас очень плохо?»¹³²

Ирина Вольберг присутствовала на суде при разборе дела мужа и жены, которые с 1943 по 1946 год убили и съели 18 человек.

Я за это время измучилась. Ни Вася, ни Наташа денег не посылают. И вот, чуть забрезжит утро, я просыпаюсь и мучительно придумываю, что бы сегодня продать. Какие книги. В магазинах, покупающих книги, очередь продающих бывает даже на улице. Я стояла в подобной очереди. Продала тогда «Les trois mousquetaires», «Nana»¹³³, что-то Мопассана, еще что-то, Rosette¹³⁴ с рисунками Ватто, получила 140 р., пошла на рынок, купила 6 кг картошки (96 р.), два стакана крупы (20 р.).

Продала 1-е издание Пушкина 1838 и <18>41 <годов>, 11 томов, которое я берегла как зеницу ока, за 560 р.

На мое пропитание выходит в день 8 р., а на обоих детей 80.

Мучительно голодаю. Это самое унижительное ощущение, которое может испытывать человек.

Надо бы отправить детей в Москву, как я телеграфировала Васе, но жалко их. У них не мать, а кукушка, да и Вася хорош. Если положение не изменится, я не вытяну.

Не так давно я получила посылку из Америки; когда ехала на почтамт, ломала себе голову, от кого. Оказалось, от Оли Капустянской. У меня даже спина похолодела, когда я прочла ее имя на посылке.

Посылка стоила в New-Yorke три доллара. С меня взяли таможенный сбор и за переупаковку 95 р., т. е. 19 долларов. Украли кусок шоколаду, просто отломили, украли крупу, оставив в пакете в фунт граммов 50 и вместо американского куска мыла положили четверть куска нашего коричневого стирального. Позорно и характерно.

11 мая. Утром позвонил Юрий Александрович. Просит повременить с отправкой детей. Испугались. У Васи, дескать, положение отчаянное, экзамены, сдача диплома, постановка в Театре киноактера¹³⁵; Наташа неизвестно где, а у него самого тоже положение отчаянное; дети гулять не ходят, т. к. не во что их одеть. Продает дачу, чтобы расплатиться с долгами. Завтра назначено свидание с Храпченко, будет говорить о своем бедственном положении.

И это говорит лауреат, дважды лауреат, у которого всякие лимиты и пайки.

¹³¹ Речь идет о шестилетней девочке, выброшенной из окна четвертого этажа. О процессе над сделавшей это ее мачехой Достоевский писал в Дневнике писателя: в мае 1876 г. (Глава первая. Г-н защитник и Великанова) и в апреле 1877 г. (Глава вторая. Освобождение подсудимой Корниловой).

¹³² 9 мая 1947 г. в беседе с Г. Стассеном Сталин указал на проблемы с финансами, сырьем и продовольствием, перед которыми стоят крупнейшие страны.

¹³³ «Три мушкетера» (1844) Дюма (отца), «Нана» (1880) Золя.

¹³⁴ блюдечко (фр.).

¹³⁵ Основан в Москве в 1943 г. на ул. Воровского, д. 33.

Очевидно, лучше всех мне. Стыдно за него, да, забыла записать еще один анекдот, который повторяют все.

Молотов спрашивает Маршалла, какой средний заработок у американского рабочего в месяц.

Маршалл: Три тысячи долларов.

<Молотов:> А сколько он проживает?

<Маршалл:> Тысячу долларов.

Молотов: А что же он делает с остающимися двумя тысячами?

Маршалл: Это нас не интересует. А каков у вас средний заработок рабочего?

Молотов: Тысяча рублей.

<Маршалл:> А сколько он проживает?

Молотов: 3000 рублей.

Маршалл: А где же он берет недостающие две тысячи?

Молотов: Это нас не интересует.

Была сегодня в церкви. От ворот до паперти тесные шпалеры нищих. Несколько мужчин поразили меня. Худые, желтые, страшные. Напомнили нищих из «Гадибука»¹³⁶.

Вообще народ исхудал сильно, говорят, больницы полны дистрофиками.

13 мая. Еще анекдот. Корова и лошадь уходят из СССР и на границе встречают идущих сюда клопа и петуха. Петух спрашивает лошадь:

– Зачем ты уходишь из СССР, у вас ведь так хорошо?

– Делать нечего, нас женщины заменили, работают, как лошади.

– Ну а ты, корова?

– Доят меня 7 раз в день, а кормят один раз.

– Ну а ты, петух, чего сюда идешь?

– Еще бы, у вас раз споешь и лауреатом будешь.

– А ты, клоп?

– Плохо в Европе, ходишь, ходишь по квартире, еле человека найдешь, а у вас по 15 человек в одной комнате живет, раздолье!

<...>¹³⁷

18 мая. Была у Анны Петровны. 76-й год рождения. Утром ходила с детишками в поисках цветов по цветочным магазинам, еле нашла полураспустившуюся гортензию. А днем А.П. мне звонит: «Почему вы меня не поздравляете, я беспокоюсь, не забыли ли вы, приходите непременно». Оказывается, 16-го она плохо себя чувствовала и было решено отменить гостей. Какая душевная молодость у этого человека.

У нее был Курбатов. Я впервые с ним познакомилась. Знал всех и знает всё.

За чаем Костенко, Успенские и я, мы сидели около него. Бесконечно интересный собеседник. Когда прощались, А.П. ему говорит: «А помните вы, что было 11 мая, как вы держали надо мной венец?»

Утром мне позвонил Юрий. Я вчера послала ему (как он просил!) телеграмму: вышлите немедленно денег, погибаем. А погибаю я действительно. За весь май ни копейки ни от кого. Просыпаюсь ежедневно в 6 утра и мучительно думаю: что же продавать сегодня? Юрий – одни жалкие слова: они в полной нищете, едят один раз в день одно блюдо. Он принужден брать халтуры, не может кончить баллады, не работает над оперой. Вася не сдает диплом, на него жалуются. У него ужасный вид, надо его развести с Наташей, которую возненавидели даже в МХАТе. И зачем я посылаю такие телеграммы, что подумает домработница?

---

¹³⁶ Трагедия Ан-ского, пост. в 1922 г. Вахтанговым в театре-студии «Габима».

¹³⁷ Выписка из французского оригинала романа братьев Гонкур «Любовницы Людовика XV. Дю Барри» (1860).

Немного позже получаю телеграмму от Наташи из Гродно: «Простите задержку денег вине театра». По-видимому, я смоленская помещица и Ларино может прокормить детей. Бог им судья!

Жалко Васю.

28 мая. Отменили смертную казнь¹³⁸. Тридцать лет казнили без передышки, без отдыха и срока. Только бы дожить до будущего суда, ежедневно молюсь об этом. Когда всему миру станут известны их чудовищные преступления? Миллионы расстрелянных, заморенных, загубленных, пытки самые изощренные.

29 мая. Увезли шкаф красного дерева эпохи Александра I, принадлежавший Васе (брату). Приходила смотреть его женщина средних лет, уровня прислуги. Вчера пришла уже с дочерью и внучатами. Дочь посмотрела шкаф: «Да, конечно, видно, что Петровский... мы хотим, чтоб у каждого были всякие и шкапы и столы». У них квартира в три комнаты на Кутузовской набережной. Накупили уже очень много всего. Сегодня за шкафом приехал муж, вошел ко мне в комнату в фуражке – энкавэдэшник¹³⁹.

Вот у кого деньги.

Продала недавно воспоминания Болотова¹⁴⁰. И всегда больно, больно расставаться с вещами, которые любишь. Не жаль, для детей не жаль, а больно, расстаешься, как с другом и навсегда.

А Наташа и в ус себе не дует, пишет Васе, что загорает на солнце. А Вася рвется на части, чтобы и Студию кончить, и деньги на стороне заработать. Он не сдал вовремя диплома, его исключили из Студии, затем вновь приняли, но он считает свою репутацию в МХАТе подмоченной.

Приезжал Дмитриев, говорит, что декорации в Театр киноактера Вася сделал хорошо, все довольны, и он думает, что и в Студии все обойдется благополучно, только панику наводят.

Вася звонил, он взбешен на Наташу и решил развестись. Не так-то это просто, ей важно быть Шапориной.

Жалею, что не удалось повидаться с Дмитриевым; 25-го, уходя от Щекатихиной, я оступилась на лестнице и подвернула себе ногу. Было мучительно больно. Теперь лежу уже четвертый день.

31 мая. Получила открытку от Васи (брата). Все здоровы, Вася junior¹⁴¹ в командировке в Америке уже год; к нему уехала жена с детьми. Саша тоже в Америке, у него хорошее место. Приезжала Марина с мужем, симпатичным английским моряком. Только милая Вера Ивановна умерла, но ей было уж, верно, лет 85. Веет от письма нормальной человеческой европейской жизнью. Какое счастье, что они эмигрировали. Я чувствую над ними папины заботы, у них есть ангел-хранитель. И какой страшной мне показалась моя собственная жизнь, жизнь моего бедного Васи, какой чудовищный и неудачный эксперимент. Эксперимент полуинтеллигентов.

М.М. делится со мной своими новостями: они спросили – где Жуков? – Он у вас – у него большая роль впереди. В конце года будут ужасные события в главном городе, страшнее ничего не было. Вас и страны это не коснется. После этого вернется сын М.М. и жизнь будет другой¹⁴².

---

¹³⁸ 25 октября 1917 г. Второй съезд Советов отменил в России смертную казнь. Декретом Совнаркома 21 февраля 1918 г. восстановлена. 26 мая 1947 г. указом Президиума Верховного Совета СССР смертная казнь была отменена и заменена 25 годами исправительно-трудовых лагерей (одновременно, по секретной директиве Берии, дела о контрреволюционных преступлениях передавались на рассмотрение спецсудов Министерства государственной безопасности). В дальнейшем смертная казнь вводилась как «исключительная мера наказания» за преступления по отдельным статьям (в 1950, 1954, 1958 гг. и др.).

¹³⁹ С 1946 г. это был уже сотрудник Министерства государственной безопасности (МГБ).

¹⁴⁰ Речь идет о книге «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». Скорее всего, Шапорина продала первое издание (Т. 1 – 4. СПб., 1870 – 1873), но не исключено, что это было сокращенное переиздание (Т. 1 – 3. М.; Л., 1931).

¹⁴¹ младший (англ.).

¹⁴² Излагаются результаты спиритического сеанса.

Наш будущий потомок, житель сильной и крепкой страны старого континента с буржуазно-демократическим строем, единственно противостоящей Америке, этот потомок не поверит тому, что будут рассказывать мемуары нашего времени.

Как рано проявляется индивидуальность. Соня и Петя. Ей в августе минет 8, ему в июне 4. Совершенно разные дети. Соня медлительная, нервная, застенчивая, очень нежная, умная. Петя – ртуть. Живой, шалун, веселый, остроумный, ни перед чем не останавливающийся, по-видимому, будущий художник. Может рисовать часами. Берет бумагу, стремительно валится на пол, карандаш в левой руке, язык вытянут на вершок. Линии твердые, очень занятные рисунки. Месяца два, как он начал рисовать людей. Откуда все понял: движение, правильное положение ног при ходьбе? У Сони есть способности к лепке. Беспokoюсь я за нее ужасно. У нее порок сердца. Шапорин всех снабдил этим пороком, будучи сам здоров как бык.

6 июня. Слушаю бой часов и вспоминаю: *toutes blessent, la dernière tué*. Хочу дожить, надо дожить, *должна дожить*.

7 июня. Сейчас звонил Вася из Москвы. Наташа вернулась, денег не привезла, все проела. Сейчас к нам не приедет, т. к. занята.

И это мать! Что у нее вместо сердца?

С 20 сентября она не видела детей. Ну как не отложить какие-то деньги, чтобы хоть на день заехать в Ленинград, поцеловать, прижать к себе этих крошек? Как не поголодать, как я, чтобы прислать им денег? Нет имени такому отношению. А по отношению ко мне? Услыхала ли я хоть слово благодарности; конечно, нет. Бедные, бедные дети. Я умру – что с ними будет? Такое хрупкое существо, как Сонечка. Что она для этого бессердечного битюга? А Вася вполне под ее башмаком. Она его обманывает как хочет.

Дрянь в полном смысле этого слова.

Бедные, бедные дети. И такие чудесные.

11 июня. Приходит Петя, головка набок, рожица ласковая и лукавая: «Я хочу сладкого, только не на букву Э (на букву Э – конфэта), а на букву саха-рэ!»

Я прочла «*Enfance et jeunesse*» de Renan¹⁴³. Прочла с интересом. Меня изумляет одно (то же удивило меня и в «Исповеди» Л. Толстого): как долго и много он изучает, чтобы прийти к отрицанию созданного руками человеческими христианства. Для такого вывода, по моему мнению, достаточно глубоко вчитаться в Евангелие. Нигде Христос не отождествляет себя с Богом. Зачем называешь ты меня благим? Никто не благ, токмо один Бог. Данная им замечательная молитва – Отче наш – исчерпывает все стремления человеческие и устанавливает единого Бога Творца. А молитва в Гефсиманском саду – не как я хочу, а как Ты хочешь. Уже много, много лет я каждый день читаю Евангелие. С начала и до конца. И опять начинаю снова. Больше всех люблю Матфея. Я, конечно, христианка, выше Христа и его учения ничего нет на земле. Но как могли создать Троицу, так материалистически понять Дух Господень. Грех против духа святого не простится, – сказал Христос. А отцы церкви написали Дух с большой буквы и изобразили голубя.

Я всегда любила «Отче наш», в особенности первые три прошения. Долго слова «да будет воля Твоя» вызывали невольный протест всего моего существа. Неужели я совсем бессильна? Но война и блокада научили многому. Да, да будет воля Твоя, но да будет она милосердна. Когда я говорю: «да святится имя Твое по всей земле», я вижу раскрепощенную несчастную Россию, восстановленные церкви и народ, возвращающийся к человеческой жизни и человеческому облику.

Недавно заходила ко мне Наталья Васильевна. Ее вызывали в НКВД «побеседовать». Расспрашивали, с кем видится, кого знает, и выяснилось, что их интересует. Аствацатуровы и Кочуров, Папазян и Е.И. Плен, встречалась ли Н.В. во время блокады с Аствацатуровыми

¹⁴³ Правильно: «*Souvenirs d'enfance et de jeunesse*» («Воспоминания детства и юности»; 1883).

и какой они были ориентации, германской или великобританской? На что Н.В. ответила, что великобританской ориентации не могло существовать во время войны, англичане были нашими союзниками. Следователь просил разрешения к ней заехать, еще побеседовать.

Вот. Уважаемая женщина, вдова А.Н. Толстого, депутата Верховного Совета, не защищена от допросов следователей, которым нужно сейчас создать своими руками «великобританский центр». Нанести такое оскорбление человеку, не подававшему к тому никакого повода. То же, что и со мной было. А может быть, еще и будет. Никто и никогда не застрахован.

16 июня. Бедные мои детки, сколько они внесли ласки и тепла в мою душу.

22 июня. В апреле пришла ко мне моя приятельница. Все последнее время она была в крайне угнетенном состоянии духа. Говорила, что окаменела. В этот раз она не выдержала и рассказала. Дочь двадцати четырех <лет> сделала аборт; т. к. живет она отдельно, то созналась в своем положении матери лишь тогда, когда имела уже в руках направление в больницу. «Чего ты расстраиваешься, – говорила она матери, – ведь это же со всеми бывает, все это очень просто».

В начале зимы то же произошло и с Т. Милая девочка 23 лет пошла к старым друзьям матери. Жены не было дома, муж этим воспользовался.

С большим трудом удалось найти докторшу¹⁴⁴. Мать в отчаянии.

Я бы убила этого человека.

В ремесленном училище, в моей любимой второй группе, была прелестная девочка Таня В. 17 лет, из интеллигентной семьи. За блокаду у нее умерли все, родители, бабушка. Осталась неприятная тетка, работающая в Публичной библиотеке. Таня у нее жила. Какой-то родственник, чуть ли не дядя, в нее влюбился. Она его не любит.

Всю эту зиму она не училась, болела. Теперь у нее сын. Тетка ее выгнала. Ей пришлось остаться еще на год на третьем курсе, ребенка отдала в Дом малютки. «А потом, когда кончу, я его возьму и буду воспитывать». До боли ее жаль. Такое у нее тонкое, красивое личико. И сколько сейчас детей без отцов, матерей без мужей.

Все позволено, нет греха, нет традиции, семью подтачивали и растлевали молодежь с 1917 года. А страдать будут дети.

Мне бы богатство!

20-го приехала Наташа на неделю. Я смотрю на нее и думаю: что у нее внутри? Души у нее и правда нет, в этом В.В. Дмитриев совершенно прав. Детей она не видала ровно девять месяцев. Хоть бы слово благодарности она мне сказала. Даже как будто недовольна, что они мало выросли.

Она очень талантлива. Костюмы для оперетт, которые она привезла показать, очень хороши. Пусть этим и занимается, а детей ей отдавать нельзя на порчу. За два дня она уже сбила весь строгий, вернее, определенный режим, который я наладила. Все «repass»¹⁴⁵ не вовремя, ложатся в 10 часов. Любовь к детям дальше эпидермы у нее не идет, да и не только к детям. А забота не только о детях, а даже о цветах должна в нас жить где-то очень глубоко.

Привезла Наташа с собой 400 рублей.

А больше нету?! Это первые деньги за июнь.

18 июня Анна Петровна уезжала на дачу. Моя машинистка перепечатывала для нее две главы третьего тома воспоминаний, и я должна была ей послать их. Часа в три А.П. мне звонит: «У меня только что были из Музея, приобрели две картины. Я хочу вам послать тысячу рублей,

---

¹⁴⁴ Официально аборт в СССР были запрещены постановлением ЦИК и Совнаркома от 27 июня 1936 г. Уличенные в проведении абортов наказывались по статье 140 Уголовного кодекса РСФСР: врач на срок от 1 до 2 лет, человек без медицинского образования – не менее 3 лет; беременной, сделавшей аборт, полагалось в первый раз общественное порицание, во второй – штраф 300 руб. Запрет был отменен 23 ноября 1955 г.

¹⁴⁵ приемы пищи (*фр.*).

может ли это вам помочь устроить малышей на дачу? Я бы прислала больше, но пока получила только задаток».

На мои возражения: «А в чем же состоит дружба?» – и прислала 1000 рублей. Я не могу об этом думать без слез. От Наташи я это скрыла.

Позвонила вчера Юрию, просила устроить Васе санаторию. Обещал, говорит, что уже сам хлопочет, хочет устроить в композиторском доме отдыха в Иванове. «Только чтобы он был без Наташи».

Наташа ездила по Белоруссии с опереттой, была в Минске, Гродно, Вильне. Советских граждан ненавидят. Там орудуют банды бендеровцев¹⁴⁶, совершают налеты на местечки, убивают всех коммунистов. Подъезжая к Гродно, они видели картину, напомнившую ей ленинградские улицы после бомбежки: группы людей, сидящих на своем скарбе, дымящиеся развалины. В Гродно они узнали, что там был налет бендеровцев.

То же самое рассказывал Наталье Васильевне Филиппов, посланный в Белоруссию для расследования «восстаний». Там стали насаждать колхозы, и крестьяне ответили на это убийством посланных советских чиновников. Филиппов объяснял Н. В. это тем, что неправильно взялись за это дело, надо было действовать не насилием, а пропагандой, агитацией и т. д.

23 июня. Умер Коля Крылов, пожалуй, самый симпатичный из Васиных друзей. Их вся компания была совершенно исключительная: Никита, Алеша Бонч, Геня Зевелевич и Кокоша. Но в Коле чувствовалась особенная мягкость, крупный ум; он был самым молодым доктором в стране. Он чуть ли не весь этот год умирал от сепсиса каким-то новым (зеленящим) стрептококком. И последние дни он был в полном сознании и знал, что умирает. *За два дня до смерти* он поручил жене передать Васиным детям материю на платье и купить им обувь! Он, оказывается, многим помогал.

Наташа была на похоронах. Говорит, что Коля стал неузнаваем. Это был скелет, обтянутый желтой кожей. Обычно полное лицо поэтому стало чужим. Как больно, когда погибает молодой, талантливый человек. Он был верующий, как и вся семья Догеля, на чьей дочери он был женат. Они венчались в церкви.

26 июня. Вчера Лозинские увезли с собой Сонечку в Вырицу¹⁴⁷ к Никитиным детям на 10 дней. Мне без нее тоскливо. Что со мною будет, если Наташа заберет детей в Москву? Я погибну, и дети погибнут тоже. Наташа по свойству своей натуры не может ни во что вдумываться, ни о чем заботиться. Например, дети возвращаются с прогулки на солнце горячие и потные. Придя домой, она их раздевает догола и так пускает бегать. А у нас окна на север, свежо и страшные сквозняки. В результате Петя кашлял всю ночь.

Прочла Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Да! Хочется сказать:

«Зачем было огороду городить,
И зачем было капустку садить!»

И какая теперь происходит наглая фальсификация фактов истории.

27 июня. Вчера был Юрий проездом в Ревель на какое-то музыкальное торжество. Приехал ко мне. Жаловался на безденежье. Заговорили о Попове. «Он хороший человек, очень умный. Но у него нет вкуса. У меня же за отсутствием дарования есть вкус». Шостакович становится все неприятнее, мелочнее, завистливее, и здесь проявляется влияние Нины Васильевны, которая просто стерва. Когда Танеев руководил консерваторией, он бережно относился к индивидуальности ученика, это мы видим на примере Скрябина и Рахманинова. Ученики

---

¹⁴⁶ Правильно: бендеровцы (по имени основателя Организации украинских националистов С.А. Бандеры); украинские повстанцы, выступавшие в 1943 – 1947 гг. за отделение Западной Украины от СССР.

¹⁴⁷ Поселок в Гатчинском районе в 62 км от Ленинграда.

Шостаковича – все маленькие Шостаковичи. . . Пятая симфония – крупная вещь¹⁴⁸. Я заметила, что, пожалуй, «Леди Макбет» самая замечательная из его вещей. Юрий возмутился: «Русская опера всегда была глубоко этична, несла в себе большие идеи. “Жизнь за царя”¹⁴⁹ – защита родины, “Князь Игорь” – становление государства, “Китеж”¹⁵⁰ – не можем победить, так лучше провалимся в озеро, “Борис Годунов”¹⁵¹. В “Леди Макбет” – ни одного положительного типа, никакой мысли».

Да, это трагический гротеск, каким явилась вся наша революция, и Шостакович отразил это.

Затем перешли к домашним делам. Дети могут ехать на его дачу, т. к. семья уезжает в Ригу. «Надо менять эту квартиру на Москву, я не могу хлопотать у Молотова», Наташа, которая давно этого требует, окрылилась и стала придумывать варианты. «Надо нашу квартиру менять на две по две комнаты». Одна из них останется мне и Ольге Андреевне. «А девочки?» – «Для девочек вы сделали достаточно, они перейдут жить в общежитие. Кто вам ближе – сын или совершенно чужие девочки?»

Наташе не приходит в голову мысль о том, что я, 67-летняя старуха, останусь одна совсем. Ольга Андреевна уходит в 8 ½ и возвращается редко в 7, чаще в 9, 10. Умри я, об этом догадываются, когда я начну разлагаться. Не говоря уже о том, что девочки прожили у меня 10 лет.

Я обожаю Соню. Мысль о разлуке с ней приводит меня в отчаяние. Весь этот поход расстроил меня. Сидела я в сумерках и горько плакала.

1 июля. Уже июль. Так и лето пройдет, а я все буду сидеть с больной ногой под окошком.

Наша чудовищная жизнь приносит свои плоды: Митя Толстой окончил консерваторию, окончил блестяще. Вечером 29-го он пошел с Б.А. Араповым, грузинским композитором и его женой в гостиницу «Европейскую». Вышли оттуда в 2 часа ночи, белой ночи, надо добавить. К ним пристал какой-то тип, предлагая развезти всех в машине. Они отказались. Он продолжал приставать. Арапов с грузином шли впереди, Митя с женой грузина сзади. Хулиган стал ощупывать Митины карманы. Затем Арапов слышит крики и, обернувшись, видит падающего Митю, у которого из уха хлещет кровь. Он пришел в сознание лишь в 11 часов утра. Сильное сотрясение мозга. На их крики не пришел никто, ни шоферы, стоявшие перед гостиницей, ни милиционер.

А накануне оркестрант из джаза Сапожнина, выйдя из «Европейской», взял таксиста, который его куда-то завез, ограбил и выбросил на мостовую, где его нашли тоже с сотрясением мозга. Он лежит у Бондарчука. Митя тоже в Нейрохирургическом. До сих пор ему еще не делали рентгеновского снимка. К счастью, положение неугрожающее. Также на этих днях произошел случай, о котором мне рассказала Александра Алексеевна Бонч-Бруевич. Жилец их дома (на Лесном проспекте), пожилой господин, возвращался с работы часов в 6 вечера. Он стоял на подножке трамвая. Прицепившийся сзади бандит стал резать его костюм, чтобы вытащить бумажник. На площадке стояла женщина, увидела это и сказала: «Смотрите, у вас бумажник вытащат». – «Ах так!» – закричал бандит, полоснул женщину по лицу бритвой и соскочил. Он прорезал ей глаз! Коммунистическая мораль плюс коммунистическая нищета дают себя знать.

Брянцев говорил Наталье Васильевне, что как только была отменена смертная казнь, так сразу же в городе было несколько «мокрых» дел. Это понятно. Их арестуют, дадут 25 лет, через год выпустят под амнистию, они же «свои».

---

¹⁴⁸ Сочинена в 1937 г.

¹⁴⁹ Опера Глинки (1836). В советское время переименована в «Иван Сусанин».

¹⁵⁰ Опера Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и о девице Февронии» (1904).

¹⁵¹ Опера Мусоргского (1869, 1872).

Ксения Эдуардовна Дешевова несколько лет тому назад поехала с Владимиром Михайловичем по Беломорканалу. Партийная ораторша сделала доклад пассажирам о стройке канала, о том, как быстро перековывались уголовники, «это были *наши*», – говорила она, и затем были враги, политические преступники. До чего это дойдет?

Государство *sans foi ni loi*¹⁵². Может быть, страна, народ? Нет, именно государство, директивы и пример идут сверху.

7 июля. По дороге из Таллина Юрий ко мне не заехал и даже не позвонил, хотя и уверял Васю по приезду в Москву, что звонил мне весь день. А чего звонить, я никуда не выхожу. Он боится моей агрессии по поводу Васи. Я и вправду хотела просить его устроить Васе санаторию, квартиру и помочь ему в устройстве постоянной работы, т. е. места театрального художника. О санатории я уже говорила с ним неоднократно.

Ничего не сделал. Что у этих отцов вместо сердца? Губка. Вчера Никита и Алеша увезли Соню в Москву. Соня побывала у Толстых в Вырице 10 дней, и я получила от Татьяны Борисовны Лозинской замечательное письмо о Соне. Растрогало меня до слез.

Сегодня я весь день лежу. Очень болит нога, и после отъезда Сони очень тоскливо. У меня осталось 6 рублей, килограммов 12 картошки и стакан крупы. Но я одна, и потому вполне спокойна. Деньги Анны Петровны, которые я мечтала сохранить себе на лето, все ушли на детей, Наташу и девочек, которые сидели тоже без денег.

Ночью звонил Вася. Мне кажется, за этот год он понял, что я ему не враг. Я очень боюсь за его здоровье. Шура (няня) не поехала в Москву. Она с сестрой (Аня на сносях) съездили в деревню, купили матери за 2000 рублей водогрейку с потолком, но без крыши, без окон и печки; вернулись сюда, и Шура поедет обратно, чтобы перевезти и поставить эту хибару, заготовить лес. Она на это дело отдала 1200 рублей – весь свой заработок за 8 месяцев, а сестра и зять в надежде продать его велосипед заняли 1500. Вот это *le vrai grand monde*, как сказал Л. Толстой¹⁵³.

В деревне питаются травой и главным образом лопухами, которые долго кипятят, воду сливают и вновь кипятят. Вместо хлеба им выдали тимофеевку¹⁵⁴, которую тоже едят. В их колхозе три лошади, работает из них одна, две больные.

Нету хлеба вот по какой причине. Ввиду неурожая в прошлом году, комиссия разрешила сдавать только 50 % нормы. Председатели колхоза и сельсовета сдали все 100 %, были премированы, а население пухнет идохнет от голода.

И как это подымается рука брать хлеб и прочие заготовки в местности, дотла разрушенной войной?

Сегодня весь день гроза. Как похожи раскаты грома на грохот обстрелов. Может быть, оттого-то я так скверно себя чувствую. Слабость невероятная, глаза не хочется открывать.

9 июля. Советская действительность готовит нам чуть ли не ежедневно такие неожиданности, что хоть в Неву бросайся. На днях получаю из районного жилищного отдела приказание «прибыть» к заведующему отделом т. Войлокову. Пошла сегодня. «Мы у вас изымаем комнату. Подайте заявление, что вы сдаете ее добровольно, и мы поселим к вам какую-нибудь одинокую учительницу. В противном случае отберем комнату через суд, получите какого-нибудь инвалида неработающего или какую-нибудь некультурную семью. Заявление подавайте завтра».

Когда я ему сказала, что Вербицкий при мне спрашивал юриста по жилищным делам о правилах инвентаризации и тот сообщил, что для тех, кто занимал площадь до войны и во время войны, норма остается девять метров, Войлоков закричал: «Много он понимает, ваш

¹⁵² без веры и закона (*фр.*).

¹⁵³ настоящий высший свет (*фр.*). Слова Нехлюдова, размышляющего о жизни народа в «Войне и мире» (ч. 2, гл. XLVII) Толстого.

¹⁵⁴ Злаковое растение.

юрист! Я лучше его знаю постановления Совета министров, норма для всех шесть метров». Войлоков по виду рабочий лет 32 и хам с головы до пят. Говорит грубо, диктаторски, рожа просит кирпича.

Шла я домой и думала: пора помирать. Нет сил все это терпеть и чувствовать, как все меры переполняет та *haine impuissante*¹⁵⁵, о которой писал Стендаль.

Мы голодаем, но хоть в своем углу-то оставьте нас в покое. Нет, ни за что. Помни, что ты не человек.

Да, Войлоков еще утешил: няне или домработнице площади не полагается, она в расчет не идет!

А на съезде Союза писателей Фадеев, сделав несколько выпадов против А.Н. Веселовского, назвал Шишмарева и декана филологического факультета Алексеева «*попугайчиками* Веселовского»¹⁵⁶. Разве допустимо, чтобы подобные люди руководили молодежью? 70-летнего академика назвать попугайчиком – это же равносильно публичной пощечине, и притом *безнаказанной*. В этом вся прелесть для них. Нечего добавить. Мучительно страдаю.

Была сегодня же у Новотельнова, сделали и сразу же проявили рентгеновский снимок: оказалось, перелом и трещина. Тоже весело.

24 июля. 9 утра. Только что звонил Вася. С отъезда детей никто мне не писал и не звонил. Ходила как пришибленная. Казалось непростительным, чудовищным такое отношение.

«У вас понятия XVIII столетия», – сказал мне Бондарчук.

К счастью, дети здоровы. Вася не отдыхает, ездит в Москву, устраивается на работу в Театр киноактера. Сидят без денег. Отец ничего ему не дал, уезжая в Ригу, и так санатории и не устроил. Я готова зубами скрежетать.

Но его лауреатство все-таки меня спасло. После моего визита к Войлокову я пришла в отчаяние. Позвонила Елена Ивановна: «Да обратитесь к Шостаковичу, ведь он же депутат Верховного совета нашего района». Тут я вспомнила, что за отсутствующего Шостаковича секретарствует Ашкенази. Позвонила ему. Этот милейший одессит меня успокоил, взял у меня все сведения, сказал, что хорошо знает Войлокова, который хам и холуй. Он написал ему заявление от имени депутата на официальном бланке, что, дескать, жена дважды лауреата занимает 61 метр, проживает на этих метрах с двумя внуками, двумя племянницами (это девочки) и их няней, всего 6 человек. $6 \times 9 = 54$ плюс 5 на семью = 59 и т. д. и т. д. ...

17 августа. Вернулась из больницы 14-го. Последний вечер я провела чудесно. Нас в палате шестеро. Две колхозницы – два почти противоположных типа «советской» деревни. Аня Федорова из Псковской области, 27 лет. Широкий лоб, широко расставленные глаза, скулы, острый длинный нос, лицо все заострено книзу, что-то есть от лисы. Она партийная, очень самодовольна, вела свое хозяйство, служила в МТС бухгалтером. Сломаны обе ноги, она лежит уже 2 года, ноги на шинах и с блоками, которые растягивают кости. Нина Пашечко, 18 лет, из

¹⁵⁵ бессильная ненависть (*фр.*).

¹⁵⁶ Речь идет об одном из эпизодов начала официальной «борьбы с космополитизмом». 18 апреля 1946 г. на заседании в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (Агитпропе) Жданов неодобрительно высказался, в частности, о работе «перед современной буржуазной заграничной драматургией» (Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945 – 1954. М., 2005. С. 49). В постановление от 14 августа 1946 г. вошли слова о духе «низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада». 18 апреля 1947 г. Агитпропом был сформулирован План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма, в котором говорилось о необходимости борьбы с таким отрицательным явлением, как «чувство низкопоклонства перед капиталистическим Западом, перед современной буржуазной культурой» (Сталин и космополитизм. С. 110). 14 мая 1947 г. руководство Союза писателей (Фадеев и др.) встретилось со Сталиным, Ждановым и Молотовым и было ознакомлено с этим планом, который Сталин им прокомментировал. В июне 1947 г. (об этом событии и пишет Шапорина) состоялся XI пленум Правления Союза писателей СССР, где Фадеев сделал доклад «Советская литература после Постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. “О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Здесь он впервые сказал о «школе Веселовского» в литературоведении (впоследствии она станет одним из главных жупелов кампании), противопоставив ее революционно-демократическим традициям Белинского, Чернышевского и Добролюбова; Фадеев призвал разобраться с профессурой в Московском и Ленинградском университетах (см.: Литературная газета. 1947. 29 июня).

Брянской области, трогательная девочка с очень правильными чертами лица. Жила в деревне. Ее завербовали в железнодорожное училище. Повезли в Москву в распределитель. Ей вышло назначение в Среднюю Азию. Но т. к. бумаги ее случайно отправили в Ленинград, велели ехать в Ленинград. Здесь о школе и думать забыли, а послали на работу, на пути, разгружать вагоны, укладывать шпалы. Зарплаты полагалось 400 рублей, с разверсткой по часам, но постройка общежитий, столовых не оплачивалась: «Работаете для себя». Повезли в Териоки, сидели там двое суток без хлеба и пищи. Был один хороший мастер, платил по 3, по 4 рубля за час, остальные по 1 рублю 50 к. и по 1 рублю 75 к. Попала под вагон, отрезало ступню. Отец ее организовал партизанский отряд. Свои же выдали. Немцы его расстреляли. У него было пять братьев – все погибли на войне. Она с отцом тоже партизанила, в разведку ходила. Как-то раз она с двумя девочками, 11 и 13 лет, ей самой шел пятнадцатый, перерезали телефонный кабель. Немцы скоро заметили и арестовали много народа и их в том числе. Всех их, человек 30, посадили на «черного ворона» и повезли куда-то. Машина, хоть и крытая, сзади была открыта. Ехали вечером, дело было зимой, выюга. Они, девочки-то, и спрыгнули прямо в сугроб, никто не заметил.

Рассказывала, как со свадьбой ездила. Немцы свадебные поезда разрешали. Тут и жених с невестой, и поезжане¹⁵⁷, и поп, на сто километров в немецкое расположение проехали, оставались в селах, крестьяне давали хлеб, все, что могли.

Рядом со мной Люся, хорошенькая двадцатилетняя девушка, своим высоким лбом вызывавшая в моем воображении воспоминания о портретах Возрождения.

Еще две пожилые женщины из мещан. Это единственный класс, который даже в блокаду не голодал. В последний вечер я спрашиваю Нину, есть ли у них в деревне колдуны. «Колдунов у нас нету, а ведьм много». И пошли рассказы. Все приняли участие и наперебой рассказывали случаи, очевидцами которых были или сами, или их близкие родные. Дедушка Нины, когда был еще молодым, только что женился, и поссорились они с женой, подрались. Он ушел из дому, пошел в соседнюю деревню на гульбу (посиделки). «Вот идет он ночью домой и видит: на него катится каток, так сам и катится. Он понял, что это ведьма. С ним была палка и веревка. Он избил этот каток, продел веревку в дырку для оси и принес домой. Принес и привязал к ножке стола. А столы у нас крепкие, один угол прибит. Вот привязал и спать пошел, а жена уж спала. Наутро встают они, приходят и видят: у стола лежит женщина, к столу привязана. Один конец веревки изо рта торчит, а другой из задницы».

«А вот еще, это уж на моих глазах было, – говорит Нина. – Рядом с нами жила Настя, ведьма была. И как 12 часов, так ей надо что-нибудь сделать. И сделала она в ржаном поле залом круглый¹⁵⁸. Наутро пришли колхозницы жать. А поле здесь было маленькое, они и говорят ведьминой дочке: ты жни здесь, а мы на большое поле пойдем. Она ничего про залом-то не знала, сжала участок и вместе с заломом. И заболели у нее сразу руки, сгнило мясо до кости. Мать ничем помочь не может, она в Бога не верует, а в черта, ну а черт здесь помочь не может. Еле нашли такую бабушку, заговорила ей руки, и все прошло». У Ани бабка отца вылечила. «Ехали отец с матерью из Острова, переезжали мост; отец спрыгнул с телеги, упал и встать не может. Переломил ногу. Еле втащила жена его на телегу, привезла домой, и стали его по докторам возить, ничего не помогает. Посоветовали ей за тетей Сашкой съездить. “Да у тебя доспех”¹⁵⁹, – сказала та. И вот ночью повезла она его на тот самый мост, раздела догола и положила на то самое место, где он упал. Обвела вокруг него круг и что-то приговаривала. После этого он встал, сам сел на телегу, все как рукой сняло». Много еще рассказывали и про домовых, которые заплетают лошадям гривы. Я тоже рассказала о ярославских ведьмах,

¹⁵⁷ Участники свадебного поезда.

¹⁵⁸ Пучками скрученные и надломленные колосья.

¹⁵⁹ Одна из разновидностей колдовской порчи.

тут все наперебой стали подтверждать, как всем известное, что для того, чтобы ведьма могла умереть, надо в потолке дыру прорубить. «У нас, – сказала партийная Аня, – не прорубают, а три половицы в потолке снимают». Я наслаждалась. Есть еще порох в пороховницах, есть еще свежесть в народе; 30 лет насильственного атеизма, внедрения всеми способами газетного штампа не тронули народную душу, не вытравили ни верований, ни суеверий. Какое счастье. Я была как на празднике.

А жизнь моя далеко не праздник. Перепишу мои заметки в больнице: 27 июля. Светлый вечер. Сажу на террасе третьего этажа, где моя палата. Кругом парк. За деревьями поблескивает вода Кронверка¹⁶⁰, выше на голубом небе шпиль Петропавловской колокольни, крест и летящий ангел¹⁶¹. Облачка, освещенные закатным солнцем, напоминают мурильевских мадонн. Реют ласточки. Стараюсь ни о чем не думать, потому что мысли могут быть только печальные.

Я совершенно одинока, помощи мне ждать неоткуда. Выйду из больницы (сейчас у меня 60 рублей, остаток от 300, взятых в кассе взаимопомощи Союза писателей), будет ли работа, не знаю, верней, что нет. Достанет ли Никита мне перевод в Москве – скорей всего, что нет. И вот, проработав 30 лет, у меня единственная перспектива, когда распродам последнюю мебель, проситься в Дом инвалидов.

Смотрю на крест, на летающих со свистом ласточек (свист снарядов вспоминается) и не думаю, запрещаю себе думать. Вдоль решетки террасы стоят ящики с бархатцами и разноцветными петуньями. Вспоминаю Пинчио, виллу Боргезе, где были фонтаны, окаймленные пестрыми петуньями.

Прочла первый том «Mémorial de Saint-Hélène»¹⁶². Какое величие!

30 августа. Передовица «Ленинградской правды»: «...нельзя, например, согласиться, что по сей день не получили на подмостках нашего театра своего воплощения образы людей социалистической деревни. Крайне слабо и редко разрабатываются драматургами и театрами темы производственные. Никак не отражена на сцене борьба за досрочное выполнение послевоенной сталинской пятилетки, социалистическое соревнование, неукротимый дух советских людей, борющихся за выполнение сталинского плана восстановления хозяйства...»¹⁶³ und so weiter¹⁶⁴.

10 сентября. Вчера заходила ко мне Т.Р. Златогорова. Рассказывала о Коктебеле¹⁶⁵, заговорила о Тамаре Салтыковой. Там всем было известно, что она осведомительница. Она была приставлена к Златогорову, С.В. Лебедеву, Максиму Волошину. Все это знали и очень ее остерегались. Она очень дружила с Наташей Данько (говорили хуже) и, по словам Татьяны Руфовны, тень от Тамары, к сожалению, падала и на Наташу, ей многие не доверяли.

Как это больно. Что заставило Тамару? Такая умница. Трусость?

А нога моя все болит и болит, и ходить могу минимально.

7-го увезли псише¹⁶⁶, продала за 2500 и на другой же день спешно стала платить долги. Сегодня, расплатившись со всеми срочными долгами, у меня осталось 500 рублей. Все эти долги сделаны при детях и для них.

¹⁶⁰ Сооружение для прикрытия Петропавловской крепости с суши (1705 – 1708).

¹⁶¹ Судя по описываемому виду, Шапорина лечилась в Научно-исследовательском институте травматологии и ортопедии им. Р.Р. Вредена.

¹⁶² Речь идет об издании: *Las Cases E. Mémorial de St. Hélène*. Bruxelles, 1824. V. I–VIII (книга посвящена пребыванию имп. Наполеона на о. Святой Елены).

¹⁶³ Шапорина неточно цитирует передовую статью «За дальнейший расцвет театрального искусства» (Ленинградская правда. 1947. 30 июля).

¹⁶⁴ и так далее (нем.).

¹⁶⁵ С 1944 г. Планерское, поселок в Крыму у подножия горы Карадаг. В принадлежавшей Волошину усадьбе, где в 1910 – 1920-е он принимал писателей, художников и др., поэт основал Дом творчества.

¹⁶⁶ Псише – большое наклонное зеркало на ножках.

О Тамаре Салтыковой у меня есть курьезное письмо от А.В. Оссовского от 44-го года¹⁶⁷. Он прислал мне через Тамару письмо, которое я должна была кому-то передать в Москве (я ехала тогда к своим). Письмо лично мне так же, как и первое, было запечатано сургучом с его печатью, и он в нем извинялся, что первое письмо он прислал запечатанным. Но это было вызвано тем, что Т. Салтыкова имеет обыкновение вскрывать и читать чужие письма!

И Оссовский, и Тамара с Зоей Лодий жили тогда в консерватории.

18 сентября. Вчера вечером я позвонила в Москву к Ю.А. Вася не звонил уже около месяца, и я беспокоилась, зная из третьих рук, что детей собираются привезти сюда.

Разговор с Юрием привел меня в дикое бешенство, я потом долго не могла уснуть. Юрий говорил в очень агрессивном тоне: «У Васи плохо обстоит дело с квартирой. Я не могу просить у правительства для него квартиры, когда у меня здесь, а у тебя в Ленинграде есть квартиры. У тебя занимают комнату чужие люди (подразумеваются девочки), ведь в прошлом году было условлено, что после того, как Старчаковы кончат школу, они уедут, а они все еще здесь, это возмутительно! Надо все твои комнаты менять на Москву».

Какая низость. Какое отношение он имеет к моей жизни, квартире, к моим поступкам? Я не могла ему как следует отвечать, так как девочки могли бы понять, что разговор идет о них и об их комнате, – это было бы слишком больно, и мало ли что могло за собой повлечь?

21 сентября. Вес Сони 27 кг 18 гр., Петя 18 кг.

25 сентября. 19-го приехали Вася, Наташа и дети. Я очень рада была повидать наконец Васю, очень у меня о нем сердце болит. Он худ, утомлен, но, пожалуй, у него вид лучше, чем прошлой осенью. Дети побледнели, Соня совсем прозрачная. Ох, Боже мой.

На другой день за утренним чаем начался разговор об обмене комнат. Бывшую столовую, красивую комнату с фонарем, я уже давно им предложила менять, но этого им мало. Опять девочки: «Вася ваш единственный сын». «Угробила Алену, хочешь и меня угробить» и т. д.

Выслушав все это, я сказала, что в Москву я ни в коем случае не поеду, а комнату девочек им отдаю, девочки будут жить со мной вместе. Могут менять две комнаты. На этом я прекратила всякие препирательства, ушла и села за работу.

Повлияло ли это решение на них, но Вася наотрез отказался выселять девочек и сделался очень мил, так же как и Наташа, и мы мирно прожили все пять дней, что он здесь пробыл. Два дня он просто лежал целый день. Хорошо то, что он уверен в своих способностях.

26 сентября. Сегодня видела во сне красные яблоки, много яблок. Для меня это предвестие болезни. Чьей – неизвестно. Моей или кого-нибудь из близких. Очень страшно. Уж лучше всего, чтобы я заболела. Лишь бы не Вася и не Соня.

23 октября. Целый месяц не писала. Устаю беспредельно, впрочем, предела человеческой и моей, в частности, выносливости нету.

На 30 сентября, день моих именин, был назначен суд, районное жилищное управление предъявило ко мне иск, требуя изъятия комнаты. Все тот же Войлоков. В иске было указано, что моя квартира состоит из четырех комнат, площадью 81 метр, считая, что Ольга Андреевна ордера на комнату не имеет. Мы с ней обратились к юристу Райгородскому Николаю Абросимовичу, которого мне рекомендовал Дешевов.

Наш управдом, милейший Иван Михеич, играл какую-то странную роль. Он утверждал, что ордера не было, но на ее карточке в домовой конторе стояла надпись с 1942 года «по постоянному адресу».

Короче говоря, мы дело выиграли. Было доказано, что Колосова владеет комнатой на законном основании, а коли так, то у меня изымать нечего, тем более что, как научил нас Райгородский, я сказала, что невестка уже живет здесь, а сын кончит вуз и тоже приедет.

---

¹⁶⁷ Это письмо в архивных фондах Шапориной не обнаружено.

Но какая чушь; если бы, скажем, папа восстал из гроба и услышал чтение этого иска, наши доказательства, отстаивание своего угла, трех небольших комнат, он бы ничего не понял.

Когда судья сказала: «В иске отказать», я даже своим ушам не поверила. Выходя из суда, мы все были пунцовые, как из бани.

После долгих лет я провела свои именины со всей своей семьей. Вася был весел, остроумен, и после счастливого исхода настроение было праздничное.

Наташа в этот приезд была мягче и с детьми ровнее. Но какое легкомыслие! Они оба приехали без пальто, а Наташа уже около года живет без паспорта. Это в СССР-то! Паспорт она потеряла, милиция ей приготовила новый, за который надо было заплатить 100 рублей. За лето Юрий дал им 4000, а 100 рублей так и не удосужилась внести. Хотят менять комнату на комнату в Москве, пришлось теперь ехать туда, получать паспорт, прописываться, выписываться и т. д. Такое же легкомыслие и по отношению к детям и их здоровью.

Вчера в «Правде» призыв к старым морякам, ко всем, переживавшим первые дни революции, присылать материалы и воспоминания о роли моряков¹⁶⁸. И я вспомнила: мы жили на Канонерской, в двух шагах от гвардейского экипажа. Матросы чувствовали себя венцом человечества, героями дня. Весна, лужи. Высокий матрос с бескозыркой на ухе, пушистым мелко завитым коком, шагает через лужи, придерживая чисто дамским жестом свои брюки. А брюки широчайшие клёши, оторочены снизу бархатной полосой вершка в полтора шириной.

Другой: грудь открыта чуть что не до пояса, на ней татуировка, летящий ангел с женской фигурой, и на золотой цепочке бриллиантовый кулон.

В нашей квартире на Канонерской, 5, в доме Фонтана, кухня была выше этажом, к ней вела лестница из передней. Там же помещалась комната для прислуги. У нас их было две: *bonne à tout faire*¹⁶⁹ – Марианна и Лиза – Васина няня. Обе литвинки. Вскоре после революции по вечерам грохот стоял наверху. Сколько туда приходило матросов, уж не знаю, но шум поднимали ужасный, потолок ходуном ходил от пляса.

3 ноября. Когда дети ложатся спать, я падаю на кровать в каком-то полубморочном состоянии. Устаю, ах, как устаю. Целый день топчусь, первый завтрак, второй завтрак, обед и ужин. Готовлю, готовлю, чищу овощи, руки стали черные, в голове пусто.

А мой сон с яблоками сбился. У меня был грипп, но легкий, заболела Соня; она пошла в школу 14 октября, слег Петя, проболел две недели ангиной; а с 28 октября опять больна Соня, ангина, t° доходила до 38,3, что я пережила в тот день – не передать. При ее пороке сердца всякая ангина невероятно опасна. Она лежит уже неделю. До чего я за нее беспокоюсь. Я послала письмо Васе с Дмитриевым, написала о ее болезни. Они даже не позвонили.

Настроение у обывателей подавленное. Все боятся войны, этот страх внушается газетами. Из речи Вышинского мы узнали, что в лагерях и тюрьмах находится 20 миллионов человек, и, конечно, эта цифра не преувеличена¹⁷⁰.

---

¹⁶⁸ «Центральный военно-морской музей обращается ко всем морякам – участникам революционных событий 1917 года – с просьбой написать свои воспоминания и сдать их в музей, а также передать в дар музею материалы и документы (фотографии, приказы, листовки, протоколы собраний и совещаний, записки, дневники, газеты и журналы, удостоверения и т. д.) периода 1917 – 1921 гг.» (К старым морякам – участникам Великой Октябрьской социалистической революции // Ленинградская правда. 1947. 22 окт.).

¹⁶⁹ прислуга, выполняющая всю домашнюю работу (*фр.*).

¹⁷⁰ 25 октября 1947 г., выступая на заседании политического комитета Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций, в полемике с министром юстиции Южно-Африканского Союза, на основании неназванной книги уличавшего СССР в репрессиях, Вышинский сказал: «Это книга, которая, в сущности говоря, представляет собою собрание всяких гнуснейших пасквилей относительно принудительного труда, якобы существующего в Советском Союзе, где рассказываются всякие совершенно неправдоподобные вещи и дикие выдумки. Например, говорится о том, что в Советском Союзе в тюрьмах и в концентрационных лагерях находится около 20 миллионов людей. Достаточно, конечно, только назвать эту цифру, чтоб стало ясно, что сочинители этой клеветнической книги либо полные идиоты, либо патентованные гангстеры. Откуда они почерпнули эти сведения?» (Правда. 1947. 29 окт.).

Приезжал сын С.П. Зенгер, племянник А.П. Остроумовой-Лебедевой, работающий в Заполярье, в Норильске. Там какие-то копи. Работают исключительно заключенные¹⁷¹. Доктора, профессора, инженеры. Очень жизнерадостный человек, он стал теперь глубоким пессимистом. *On le deviendrait à moins*¹⁷².

Боюсь отвечать моей любимой Оле Плазовской. Писать в Нью-Йорк – это же контрреволюция!

Воображаю, сколько приятных истин наслушался там Вышинский, и так смехотворно, когда он говорит о демократии.

На днях, глядя на лежащего на полке Буратино, я с болью вспоминала кукольный театр. А потом подумала: если бы подлец Шапиро не съел моего театра, мне пришлось бы с ним эвакуироваться, мыкаться по Сибири и *не переживать блокаду*, а блокада – это, пожалуй, самое ценное из всей моей жизни. Видеть то, что людям не дано видеть.

Вчера, 2 ноября, минуло *десять лет*, как я взяла к себе девочек Старчаковых. Мы решили этот день отметить. Напекли пироги картофельные с капустной начинкой. Купили по карточкам конфет, выпили с конфетами кипяточку, т. к. чай выдали лишь сегодня после двухмесячного перерыва, чокнулись этим кипятком...

Жалею ли я, что их взяла тогда сгоряча, каюсь ли в этом? По совести говоря, нет.

Сознание того, что я их спасла от гибели, искупает все те лишения, на которые я себя обрекла. А лишений было, конечно, много. Уж одно то, что за эти 10 лет я ничего не могла себе сшить, даже самого необходимого. Девочки вышли хорошие. Это честные, прямые, порядочные, неиспорченные девушки, что по нашим временам редкость. Иногда я внутренне обижаюсь на них за отсутствие внимания, но за все эти годы не было случая, чтобы они не исполнили какой-нибудь моей просьбы, поручения.

Из-за них, после последнего разговора по телефону, я поссорилась с Юрием. Я написала ему очень резкое письмо, быть может, зря, но уж очень я разъярилась. Написала, что он не имеет никакого права требовать, после десятилетней совместной жизни, изгнания девочек, что они не котята и не щенята, что прав на мою квартиру он никаких не имеет, никогда мне не помогал, всю жизнь я работала сама и т. д., и закончила словами: «Это мое последнее письмо, и на этом заканчивается наше слишком печальное знакомство». И я рада.

5 ноября. <...>¹⁷³

8 ноября. На днях заходили ко мне вечером Александра Васильевна со Славиком. Он только что вернулся из научной экспедиции на Южный Сахалин. Рассказывал много интересного. Работают там японцы и русские, завербованные в центральных губерниях, причем японцы работают во много раз лучше, чем русские. Японцев должны отправлять на японские острова, но они оттуда бегут, т. к. в американской зоне жить плохо и голодно. На Сахалине они зарабатывают 2000 рублей в месяц, жизнь там дешевле. Рыбы, крабов масса. Есть консервные заводы. Рабочие, поставляющие на эти заводы рыбу, выполняют свою назначенную норму, а заводы с таким количеством не справляются, часто не хватает соли. И рыбу выбрасывают в море или просто свиньям отдают. Свиньи кормятся главным образом этой рыбой, благодаря чему свиное сало пахнет рыбьим жиром.

На Сахалине много староверов, живущих там издавна. Крепкий, рослый, красивый и хозяйственный народ. Живут на отдельных хуторах, и пока их не разоряют.

Вчера в «Правде» была статья Н.С. Тихонова «Заря человечества». Такой лжи я давно не читала, и слышать ее от Тихонова возмущает до глубины души. Ведь он-то не сидит в цитадели.

¹⁷¹ Норильский исправительно-трудовой лагерь существовал в 1935 – 1956 гг. в Норильске Красноярского края. Заключенные работали на строительстве города, рудников, шахт, кобальтового, никелевого, медного и др. заводов, геологических работах и многих других. В течение 1947 г. количество заключенных выросло с 37,5 тысяч человек до 47,5 тысяч.

¹⁷² Можно стать пессимистом и по меньшему поводу (*фр.*).

¹⁷³ Выписки из сочинений Гюго.

«Мир еще не видел такого широкого, веселого, оптимистического, неутомимого, прекрасного народа, как советский. Наша земля изменила лицо. *Наши люди живут без страха нищеты, без страха за завтрашний день*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.